

Детектив Юлия Земцова

Анна Данилова

Рукопись, написанная кровью

«Автор»

Данилова А.

Рукопись, написанная кровью / А. Данилова — «Автор»,
— (Детектив Юлия Земцова)

«Куда бежать от изменившего мужа? Конечно же, в родной город. Вычеркнуть весь последний год из жизни вместе с воспоминаниями о неудачном замужестве и с головой окунуться в любимую работу.» Так думала Юлия Земцова. Но вернувшись домой, она узнает, что офис родного детективного агентства сожжен, а все сотрудники таинственным образом исчезли. Но Юля уверена – ее друзья живы. Они настоящие профессионалы и не могли пропасть бесследно. Юля должна во что бы то ни стало разобраться в сложившейся ситуации. А начать она решает с расследования убийства красавицы-путаны...

© Данилова А.

© Автор

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	45
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Анна Данилова Рукопись, написанная кровью

Дорогой писатель Липс!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое вечное счастье!

Живите, познавайте и
испытывайте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анне Даниловой (франц.)

Глава 1

Мужчина средних лет, сидя в кресле в собственной квартире и держа в руках стакан с коньяком, смотрел в окно, за которым шел мокрый снег, и говорил, обращаясь к сидящей на диване мертвой девушке:

– ... и тогда я сказал ему – только ты сможешь меня спасти... А что мне еще оставалось делать, если меня обложили со всех сторон. Красные флажки замелькали перед моими воспаленными глазами, как перед загнанной лисицей на бесчестной охоте... а я, как ты знаешь, всегда был против бесчестной охоты, да и вообще охоты как таковой... Я выпил сегодня слишком много, мое тело уже не слушается меня, но мыслю я пока еще достаточно ясно: я не убивал тебя, я не знаю, почему ты вдруг перестала дышать, а на твоих губах появилась розовая пена... Мариночка, твоя смерть не входила в мои планы... Ты слушаешь меня, Марина? Вот и хорошо... Я не пьян, просто мне очень грустно, потому что я не выношу предательства... Многое можно вынести: боль, непонимание, желание обойти противника во что бы то ни стало, но только не предательство...

Он повернул голову и, скользнув почти невидящим взглядом по белому лицу с неестественно красными, подведенными помадой губами, схватился руками за голову. Он до последнего не верил, что она мертва, и подсознательно относил бледность ее лица к выпитому шампанскому и подступившей вслед за этим тошноте, но никак не к смерти во всем ее страшном и неотвратимом проявлении.

– Скажи мне что-нибудь, мне же страшно... Хотя бы взгляни на меня и скажи, что я не виноват... Господи, как же я устал оправдываться...

А спустя некоторое время он уже укладывал ставшее почему-то невероятно тяжелым тело в багажник своего «Мерседеса» и прилагал немало усилий, чтобы его руки не дрожали. Но они все равно дрожали, а от лязга собственных зубов, звук которого гиперболизировался настолько, что казался металлическим скрежетом, наполнявшим гараж, было нестерпимо стыдно. Но еще стыднее стало, когда, уже уложив тело и открыв сумочку девушки, чтобы посмотреть, что в ней и все ли, что там находится, сгорит в огне, мужчина увидел уже знакомую ему пачку денег. Зеленоватые купюры со спокойно смотрящими на него, убийцу, копиями портрета Франклина вызвали физическую реакцию – он вышел из гаража, пошатываясь и обливаясь потом... «Как же я вас всех ненавижу...»

Последнее, что осталось в памяти, это неестественно вывернутая белая тонкая рука и пальцы, униженные кольцами...

* * *

Чаша переполнилась – жизнь с другим мужчиной, обещавшая новизну ощущений, свежие и яркие краски, наконец, наслаждения, связанные с физической любовью, закончилась.

Юля Земцова поняла это только сегодня утром, когда села в постели, поджав под себя озябшие ноги, и еще раз взглянула на голову спящего рядом мужчины. «Господин Харибин, черт бы вас побрал...» – подумалось ей с горечью.

Она поднесла к лицу ладони и вдохнула: стойкий запах мужской туалетной воды и табака, к которому примешивался аромат тела, ЕГО тела. Большого и, несомненно, сильного. Шатенке, оставившей на его одежде свои длинные рыжие волосы, тоже, очевидно, знаком этот запах – запах любовника, запах сомнительных удовольствий... Хотя почему сомнительных? Она была несправедлива к Дмитрию, не такой уж он плохой любовник, чтобы сомневаться в его мужском

таланте. И разве не этим он взял ее еще там, в поезде, когда уговорил связать с ним свою жизнь и, поверив ему, очертя голову броситься в новый и довольно-таки неожиданный брак?..

Уже в ванной Юля дала себе волю и разрыдалась по-утреннему сильно, задыхаясь, как человек, только что узнавший, что все его близкие погибли, а сам он – сирота.

От слез, от душевной боли, от содроганий стало трудно дышать. Не было сил на сборы, а тем более на объяснения. Харибин проснется и, не обнаружив рядом податливое и горячее тело своей молодой жены, сначала нежно позовет ее в надежде вырвать ее из кухонного рая с домашним духом кофе или подгоревшего молока (она со свойственной ей рассеянностью каждый раз забывает о стоящей на плите кастрюльке с молоком), а потом, удивившись, встанет и примется за поиски своего дежурного ангела (разве супружество – не обязанность, как дежурство, как нечто постоянное, в чем не должно сомневаться, а потому рано или поздно воспринимающееся как нечто пресное, а позже и вовсе тягостное). Но он не найдет ее и, лишь обнаружив отсутствие ее одежды (да и то не сразу, потому что мужчина до последнего не верит, что его бросили), оденется и, выкурив сигарету, позвонит в свою сложную, пропитанную крепким запахом предательства и коньяка контору и попросит задержать Юлю в аэропорту. Да, он слишком умен, чтобы не догадаться, что она не вышла в магазин за свежими булочками (это было бы чрезмерным счастьем, в которое он не поверит даже на смертном одре, – строптивая и дерзкая, она не из тех, кто способен на такие проявления женской сути и уж тем более домовитости или – уж совсем из области фантазий – любви). Его необъятный профессионализм (человек, много лет работающий в ФСБ, должен уметь и знать все), который так помогал ему все это время удерживать возле себя женщину, никогда его не любившую, на этот раз будет направлен на ее уже настоящие поиски. Автобусные станции, вокзалы, аэропорты – а их в Москве немало...

Юля выбежала из дома и, подняв голову, взглянула на окна квартиры, где она провела почти год жизни. Они безучастно смотрели на серое мартовское небо и были заняты скорее ожиданием первых лучей скупого весеннего солнца, чем обеспокоены бегством своей временной хозяйки («Я уйду, появятся другие...»).

К матери она не поедет – Харибин перехватит ее там уже через полчаса, да и ни к чему травмировать дорогого ей человека. Лучше будет, если мама узнает обо всем, что случилось, от нее самой, и чем позже, тем лучше. Юля позвонит ей уже из С.

Влажный холодный ветер остудил ее и заставил на миг остановиться у станции метро.

В кафе, куда она забежала в поисках горячего кофе, картина разрушенной семейной жизни предстала перед ней еще более отчетливо, словно тепло и тишина, окутавшие ее, сделали снимок ее внутренней, да и внешней прошлой жизни ярче, объемнее. Харибин, воспользовавшись ее отчаянием, привез Юлю в Москву, сделал своей женой, и все это помимо ее воли. Частное сыскное агентство, в котором она работала под руководством Крымова, ее бывшего любовника, вот уже год было для нее лишь воспоминанием, причем запретным. У них дома не принято было вспоминать даже Щукину, секретаршу Крымова, а теперь еще и его жену. Даже о Шубине, четвертом сотруднике агентства, Харибин говорил крайне редко, да и то если их профессиональные интересы пересекались, но это случилось всего лишь дважды. Домашний арест длился год, и Юля все это время жила как в гостинице, в ожидании момента, когда распахнется дверь, появится кто-то, кто скажет ей: все, пора возвращаться, собирай чемоданы, тебя давно ждут...

Но ее никто не ждал. И нигде. Она проглотила соленые слезы обиды и разочарования, одиночества и неприкаянности и запила их кофе. Нет, это не Земцова сидела в кафе и проливали слезы, страдая из-за измены мужа. Это домашняя пустоголовая кукла, превращенная злым кудесником Харибиным в жалкое подобие ее прежней. Настоящая Юля Земцова, которую ее друзья знали как сильного человека, способного справляться и не с такими трудностями (да и что это за трудности такие? подумаешь, фээсбэшник Харибин зашел после службы к

знакомой рыжеволосой девице и переспал с ней, зацепив, уходя, несколько волос с ее шальной головы!), умерла. Да, она умерла в тот день, когда узнала, что Крымов, единственный мужчина, которого она любила, женился на своей секретарше, вульгарной Наде Щукиной, вполне вероятно, собирающейся вскоре родить маленького Крымова... Харьбин все правильно рассчитал: именно в тот момент Юля была наиболее уязвима, ее можно было, как тряпичную куклу, запихнуть в чемодан и отвезти куда угодно и сделать с ней что угодно. Все мужчины – насильники и собственники. Думая об этом, Юля подогревала свою злость и копила в себе решимость, чтобы, выйдя из кафе, знать, куда идти или ехать дальше. Даже если Харьбин и схватит ее за руку в тот момент, когда она занесет ногу, чтобы подняться на трап самолета или ступеньку вагона, ну и что с того? Как схватит, так и отпустит. Конечно, отпустит – зачем ему лишние сложности, когда он не один, у него есть другая женщина. И не одна. Он не первый вечер приходил в подпитии, невольно демонстрируя Юле пятна губной помады на сорочке, а то и вовсе кровоподтеки на шее. Он называл это работой. А ночью, обнимая свою жену-пленницу и смутно представляя себе, кого держит в руках, мощно и грубо вторгался в ее ночную сладкую неподвижность, продираясь и прокладывая себе дорогу через инстинктивно создаваемые преграды и физическую зажатость ее нежного спящего тела, закрытого для всех, кроме счастливых обитателей ее снов.

В аэропорту ее никто не остановил. Юля как была, налегке, поднялась по трапу и опустилась в располагающее ко сну кресло. От волнения или по другой причине, о которой она даже и подумать-то боялась, ее затошнило. Мысль о беременности, все признаки которой носили уже хрестоматийный характер, она гнала от себя прочь, не желая верить, что бог мог послать ей ребенка в такое тяжелое для нее время. Кроме того, она просто психологически не была готова к материнству. Прикинув к иллюминатору, Юля старалась думать только об облаках...

А через час с небольшим огромная серебристая птица перенесла ее из мрачного ада, именуемого «харьбинская Москва», в С. Домой.

* * *

Адрес, который она назвала водителю такси, даже на слух воспринимался как нечто нереальное. Мало того, что она еще не в силах была унять дрожь во всем теле от невероятности совершенного (уж слишком мало времени Юля провела в воздухе, да и то спала, как будто ее организм, не спрашивая у нее согласия, сам вызвался оберегать ее расшатанные нервы), так еще и предстоящая встреча с Игорем Шубиным, другом, который спасет ее от надвигающейся катастрофы одиночества и бездеятельности. Хотя для Игоря определение «друг» явно недостаточно – они могли бы быть вместе, если бы не Крымов. («Крымов» – это уютное, теплое, бархатисто-обволакивающее словцо она и вовсе боялась произносить вслух в силу его способности доставлять даже в звуковом виде душераздирающую боль.)

Она поднялась и позвонила. Тишина предательски напомнила ей о существовании той жизни, которой жили ее друзья, которая протекала теперь уже без нее. Шубин мог быть где угодно, хоть на Северном полюсе, на то он и Шубин – сотрудник частного сыскного агентства, человек, который ищет дено и нощно и который знает в этом толк. Тем более что сейчас только три часа дня – время более чем подходящее для работы.

Оставив ему записку: «Я вернулась, позвони мне срочно. Земцова», Юля поехала к себе домой. Она бы не удивилась, обнаружив Харьбина на лестничной клетке родного подъезда. Она даже была готова к этому. Но за ней никто не следил, она спокойно поднялась к себе, открыла дверь и, лишь оказавшись по-настоящему дома, снова почувствовала, как защипало в носу. Она, и без того чувствительная, сейчас испытывала сильнейшее потрясение, оставшись один на один со своими воспоминаниями и проносящимися в ее сознании картинками из прошлой бурной жизни, полной чудесных встреч с Женей Крымовым, тяжелой и интересной рабо-

той и, конечно, чувством своей востребованности и удовлетворенности от того, что она делала. Она даже слышала голоса: нахальный говорок Щукиной, твердящей что-то о бутербродах и экспертизе (Надя в агентстве начинала с секретарши «поди-принеси» и совмещала это с работой, связанной с НИЛСЭ), густой и уверенный басок Шубина (Игорь был немногословен и всегда говорил по существу, а потому все слушали его тихо, боясь пропустить что-нибудь важное), и, конечно, насмешливый и до дрожи волнующий голос Крымова, в лексиконе которого на первом месте по употребляемости стояло слово «доллар». Он учил их всех брать с клиентов вперед, с большим запасом и не стесняясь говорить о гонорарах открытым текстом, называя конкретные, пусть даже и убийственные суммы. Человек, по мнению Крымова, сунувший нос в агентство, знает, куда пришел, а потому нечего с ним, с потенциальным клиентом, церемониться. На первый взгляд, Крымова интересовали только деньги, но в ходе работы именно с его подачи они распутывали самые сложные и интересные дела. И лишь рутинную, скучную работу, связанную с поиском исчезнувших неверных жен или мужей, брал на себя трудоголик Шубин...

«Шубин, Крымов, Щукина...» – Юлия произнесла эти три слова вслух, и сердце у нее сжалось. В пустой гулкой квартире не хватало только эха. Запах пыли и давно не знавшего хозяйской ласки помещения не прибавил сил. Обойдя свое жилище, в котором она не была почти целый год, Юлия машинально протерла тряпкой пыль, где только можно было, затем с грустью посмотрела на телефон с мертвым автоответчиком: она так и не вспомнила, чей голос был последним на ее кассете. Но, включив его, услышала лишь глухое шипение. Не сохранилось даже старых записей – она по рассеянности стерла все сообщения. Скорее даже не по рассеянности, а автоматически, освобождая ленту для новой порции новостей, приглашений, просьб. Как же давно все это было...

Она устало опустилась в кресло и посмотрела в окно. Там светило бледное холодное солнце, под которым медленно оттаивали промерзшие дома, деревья, люди. Но это были не те энергичные и жесткие москвичи, живущие в своих скорлупах или непробиваемых хитиновых панцирях самодостаточности и унылой апатии столичных аборигенов, утомленных провинциальной суетой бесконечного потока приезжих, а именно провинциалы – люди, гордящиеся своей несуетностью и ценящие тишину и медленный темп жизни, который подсознательно ассоциируется у них с возможностью хотя бы таким образом продлить эту самую жизнь. Юлия была частью этого города, да только город об этом пока ничего не знал.

О существовании почтового ящика ей напомнила большая яркая глянцевая открытка. Это было мамино прошлогоднее поздравление с Новым годом, прослужившее несколько месяцев местом, куда, заполняя матовые белые пробелы между строками, наспех записывались самые разные телефонные номера.

Юлия спустилась вниз, открыла ящик и достала оттуда несколько рекламных проспектов, призывающих заняться сексом по телефону с «Кристиной» (пышногрудая девица, изображенная на плохо отпечатанном бланке, казалась обожженной или, в лучшем случае, запоздало заболевшей ветрянкой – настолько много было красного цвета и какой-то нездоровой сыпи), похудеть за две недели (блеклый, с дешевой типографией листок, который в качестве не менее дешевого средства мог бы предложить разве что бесплатную тюремную камеру, где хочешь не хочешь, а все равно похудеешь: «Немедленный результат!») и непременно и как можно скорее поставить двери фирмы «Тайзер» с сейфовыми замками (телефоны работающих в фирме «медвежатников» прилагались в избытке). А еще – два совершенно одинаковых конверта, украшенных мультяшным рисунком: рыженькая белочка на еловой зеленой ветке слева от обратного адреса (который, надо сказать, отсутствовал). Адресованные Земцовой Юлии конверты были датированы пятнадцатым февраля и тем же числом марта этого года. Почерк один и тот же – аккуратные ровные буквы, словно выведенные ученической рукой. С разницей ровно в месяц кто-то пытался дать о себе знать.

Юля предпочла вскрыть письма дома.

«Юля, позвоните мне, пожалуйста, по телефону: 25-54-98. Рита Аперманис».

Аперманис – явно прибалтийка, но эта фамилия Юле больше ни о чем не говорила. Латышка или муж у нее латыш, а раз в письме нет ни строчки о причине, заставившей написать ей, значит, речь идет о чем-то серьезном. Хотя все может обстоять гораздо проще, и мало ли по какой причине незнакомые люди пишут письма. Возможно, Рита Аперманис – ее подруга детства или одноклассница, поменявшая фамилию. Однако в голову пока ничего не приходило, поэтому Юля набрала указанный в письме номер и внутренне напряглась, ожидая услышать если не крик о помощи, то что-то в этом роде. И она почти угадала, когда на другом конце провода раздалось нежное и высокое «алле», а вслед за ее: «Это Земцова», обрадованное и вместе с тем горькое: «Я знала, что вы откликнитесь», с чудесным акцентом, от которого повеяло холодным морским балтийским воздухом, ароматом сырных пирогов, которые готовят на побережье в Юрмале, и крепким запахом хвои и сырого белого песка. Они договорились о встрече, и уже спустя час породистая голубоглазая брюнетка (вместо ожидаемой хрестоматийной блондинки) сидела в кресле Юлиной квартиры и нервно курила одну сигарету за другой, сбивчиво объясняя причину своего визита.

– Я сначала звонила в ваше агентство, но там никто не брал трубку... Потом узнала ваш домашний номер, но мне снова не повезло – вас просто невозможно застать, и вот тогда я решила написать вам...

– У меня два ваших письма, – Юля помахала конвертами перед носом Риты и усмехнулась. – С разницей в месяц.

– Два? – внешне довольно искренне удивилась Рита и, взяв в руки конверты, достала сложенные в узкую полоску страницы и быстро пробежала их глазами. – Совершенно одинаковые, и почерк как будто мой... Но я-то отправляла одно, в феврале, вот оно... Или в марте, не помню точно...

– Но письма мало чем отличаются друг от друга, согласитесь. Да и вообще их трудно назвать письмами, так, записки, написанные шариковой ручкой.

– Быть может, чуть позже, когда я расскажу вам о цели своего визита, вы поймете, что это второе письмо не случайное, что в моей жизни происходят странные вещи и что от вас, от вашего таланта зависит, возможно, вся моя жизнь... Я много слышала о вас, о вашем участии в деле Олега Шонина, о разоблачении Ларисы Белотеловой...

– И кто же это вас так информировал?

– Муж... когда мы с ним еще жили вместе.

Юля хотела перебить гостью и сказать, что она приехала сюда лишь на время, не собирается заниматься прежней работой и ей ничего не известно о деятельности агентства и о том, примут ли ее назад и как вообще отнесутся к ее возвращению. Хотя, с другой стороны, упускать клиентку было бы глупо. Юля знала, что в природе женщины заложено недоверие к мужчине, тем более если речь шла о каких-нибудь интимных сторонах жизни, поэтому клиентки старались поручить вести свое дело именно Юле. Хотя бывали случаи, когда женщина, не желая унижаться в глазах другой женщины, предпочитала делиться своими откровениями именно с Крымовым. Как бы то ни было, но сейчас главным было не отпугнуть Риту и пообещать ей помощь. Возможно даже, сначала скрыть тот факт, что Юля давно уже не работает в агентстве. Ее надо выслушать, постараться определить, перспективно ли дело, платежеспособна ли клиентка, а уж потом, выяснив все эти обстоятельства и навестив Крымова или Шубина, дать ей ответ. В случае же если Крымов по каким-либо причинам откажется вести это дело (что в принципе невозможно, потому что Крымов никогда своего не упустит), Юля раскроет карты и предложит Рите работать на нее частным образом, незаконным, не имея на руках лицензии, но за тот же гонорар, как если бы она работала в агентстве. Иначе нечего и браться за это.

– Давайте пока оставим эти письма в покое, и вы расскажете мне, что с вами случилось.

– Для начала я вам кое-что покажу. – С этими словами Рита спокойно, словно для нее являлось обычным делом обнажаться перед незнакомыми людьми, сняла с себя платье и продемонстрировала большие синяки и ссадины на бедрах, плечах, спине. В комнате, как показалось Юле, запахло больницей, йодом, чуть ли не карболкой. Неожиданный запах, перебивший тонкий аромат духов Аперманис.

– Кто это вас так?

– Если бы я знала. Мужчина, который приходит ко мне ночью, сначала насилует меня, а потом жестоко бьет. Сначала он был нежен со мной, говорил мне ласковые слова, а я называла его по имени, я точно называла его по имени, но вот утром, проснувшись, уже не могла вспомнить его... Зато мой муж, Антон, знает это имя, и как же ему не знать, если я произносила его во сне! Я понимаю, вы смотрите на меня как на сумасшедшую, но в нашей жизни все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Да, я могла бы все это нафантазировать и рассказывать вам свои сны, как это я делала по просьбе психиатра, к которому возил меня муж, но тогда, спрашивается, откуда эти синяки? И они НАСТОЯЩИЕ, мне больно до них дотрагиваться, а утром так и вовсе невыносимо болит все тело, живот и в особенности бедра.

– Вы сказали, что он сначала был нежен с вами, а что же случилось потом? – Юля едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться ей в лицо.

– Я же сказала – он стал меня избивать...

Юля смотрела на нее и вспоминала не менее интересных Лору Садовникову и Белотелову... Их истории тоже поначалу казались невероятными, но их сделали такими изощренные люди, и за всем этим скрывались преступления, убийства... Убийства, причина которых была проста – корысть. Вот так интересные на первый взгляд дела заканчивались банально и пошло – поимкой убийц. Да только ни Лоры Садовниковой, ни Белотеловой уже не было в живых. А ведь они были вполне нормальными и здоровыми... Быть может, поэтому она сейчас смотрела с таким интересом на сидящую перед ней молодую женщину, словно боясь, что и ее видит в последний раз.

– Покажите мне, пожалуйста, ваши документы, – сказала она неожиданно громко и увидела, как Рита вздрогнула, чуть ли не подскочила на месте, после чего нервно заерзала в кресле в поисках своей сумочки.

– Она в прихожей, – подсказала ей Юля и сама принесла сумку.

Рита открыла ее и высыпала на стол все содержимое, среди которого, помимо обычной женской чепухи вроде помады, пудреницы и расчески, оказалась внушительных размеров пачка долларовых банкнот и паспорт, из которого выпало свидетельство о расторжении брака Маргариты Марковны Аперманис с Антоном Владимировичем Михайловым.

– Аперманис – это ваша девичья фамилия?

– Да. Я и в замужестве жила под своей фамилией, а теперь вот решила окончательно порвать с этим тягостным браком. Ну зачем, скажите на милость, зачем жить с мужчиной, который мне не верит, который подозревает меня в измене, и это вместо того, чтобы защитить меня от этого дьявола...

– Вам нравится, когда он насилует вас? – спросила Юля, надеясь таким неожиданным вопросом сбить с толку Риту.

– Да откуда я могу об этом знать, если это все происходит во сне?

– Точнее, во время сна, не так ли?

– Да, совершенно верно.

– Но сны-то вы видите?

– Иногда.

– А мужчину, который делает это с вами, вы тоже видели?

– Один раз, – вздохнула Рита, и на глазах ее выступили слезы. – Когда я зарезала его.

– Вы? Зарезали его? Во сне?

– Может быть, даже и ВО ВРЕМЯ СНА, как вы только что выразились.

– Как это? – Юле стало не по себе. Пытаясь разгадать причину ночных кошмаров Риты и настраивая себя на то, что клиентка психически здорова, чтобы не дай бог не ошибиться в очередной раз и не упустить из вида ни одной детали, способной помочь ей в этом, Юля снова поймала себя на том, что все же видит перед собой больную женщину.

– Как? Да очень просто. Взяла нож и зарезала его. Хотя я не уверена в том, что нож в руках держала именно я, это мог быть и мой муж. Во всяком случае, я точно помню, что именно мне пришлось замывать кровь с паркета, а мой муж в это время заворачивал бездыханное тело моего насильника в ковер. Знаете, у нас в гостиной на полу лежал такой огромный желтый ковер, очень красивый, лимонного оттенка. Так вот. Теперь его у нас в квартире нет, – Рита перешла на заговорщицкий шепот.

– И где же он?

– В подвале, лежит себе свернутый и, конечно же, безнадежно испорченный кровью. Муж спрятал труп, а ковер непонятно зачем привез домой.

– И вы можете мне его показать?

– Разумеется...

– Значит, кто-то из вас – муж или вы – убил человека, который издевался над вами...

– Вот именно, – Аперманис смотрела на Юлю немигающими глазами с болезненно расширенными зрачками, в которых стоял страх.

– Вы хотя бы отдаете себе отчет в том, что ваш муж мог убить его, а сам скрыться? Он совершил преступление...

– А он и скрылся. Я не знаю, где он. В нашем городе его, во всяком случае, нет, это точно. Думаю, что он уехал к своей матери в Тамбов, но я туда не собираюсь звонить, мне неприятно навязываться под предлогом того, что его ищет милиция или что-нибудь в этом роде...

– Вы можете мне оставить его координаты?

– Несомненно, я помню адрес и телефон его матери наизусть, – и Рита тотчас продиктовала их Юле.

– А откуда эти деньги, здесь довольно большая сумма...

– Здесь десять тысяч долларов. Половину я вам отдам сейчас в качестве аванса, а остальное получите, когда избавите меня от моего кошмара.

– Это ваши деньги?

– Да какая разница?! – возмутилась Рита. – Это деньги Антона, у него была своя фирма, она и сейчас процветает, он занимался продажей электроники и компьютеров и после развода оставил мне не только эти деньги, но и много чего еще, в том числе две квартиры... Кроме того, новый директор фирмы выплачивает мне каждый месяц проценты от продаж, как это и было обещано Антоном.

– Вы хотите сказать, что, несмотря на то что муж, по сути, бросил вас из-за ночного Неизвестного, он позаботился о вас, оставив вам деньги? Невероятная история!

– Надо знать моего мужа, вот и все.

– Вы не могли бы по памяти воспроизвести его паспортные данные?

Рита с готовностью выполнила эту просьбу. В Юлином блокноте помимо тамбовского адреса Антона Михайлова появился адрес квартиры, в которой они проживали вместе с Ритой, паспортные данные Антона и даже телефоны фирмы, в которой он работал.

– Ему тридцать пять, если судить по вашим словам, а вам – двадцать девять, так?

– Ну и что с того, мужчина должен быть немного старше своей жены.

– Вы нормально жили до появления в ваших ночных кошмарах этого Неизвестного?

– Вполне. Нас все устраивало. Я знала, что у Антона иногда возникают на стороне какие-то девицы, не без этого, но и я не без греха... Так что мы были квиты.

– Мы сейчас поступим с вами следующим образом... Я свяжусь с Крымовым...

– Нет! – воскликнула Аперманис и замотала головой. – Нет! Никаких Крымовых! Весь город знает его как бездельника, и я звонила ему лишь для того, чтобы выйти на вас...

– Вот как? И что же он вам ответил?

– Он сказал, что вы не живете в этом городе, что вы в Москве, но я ему не поверила, потому что мне известны эти примитивные уловки... Я ему все расскажу, а он, взяв с меня денежки, поручит расследование вам? Где же тут справедливость?

– А вы не обращались в милицию? – Юля сделала вид, что не расслышала последних слов Риты.

– Нет. У меня же в подвале желтый ковер, а он весь в крови. Зачем мне осложнения?

– Но послушайте, Рита, зачем же вы пришли ко мне, если этого человека или монстра, который бил вас и насиловал, уже нет? Ведь вы только что сами сказали, что его кто-то убил ножом, а труп ваш муж спрятал... правда, неизвестно куда...

– Но он все равно приходит, – зашлась в тихом плаче Аперманис.

– Так, хватит. Поехали. Вы мне сейчас покажете ковер...

«Если есть ковер со следами крови, значит, она не врёт и это не фантазии... Следовательно, произошло убийство».

– Какой еще ковер? – глаза Аперманис расширились. – Разве я рассказывала вам о ковре? Никакого ковра не было... Зачем вы морочите мне голову?

И после ее слов Юля почувствовала, как по спине ледяными сухими лапками пробежал ужас...

* * *

В агентство она приехала уже вечером. Беседа с шизофреничкой Ритой отняла довольно много времени, но ничего, кроме угнетающего чувства собственной беспомощности перед этой несчастной женщиной, не было. Юля не взяла с нее денег и практически выставила ее за дверь. Такие люди, по ее мнению, нуждаются скорее в хирургическом вмешательстве, а не в психиатрическом, поскольку красивую головку Аперманис целесообразнее было бы нафаршировать новым серым веществом, нежели пытаться пропитывать ее никуда не годные мозги наркотической отравой и бромом.

Окна агентства напоминали глаза незрячего – в них не светило ничего: ни электричества, ни жизни, ни надежды... Отсутствие вывески вызвало чувство опасности. Крымов уделял большое внимание внешнему виду офиса. Яркий фонарь, который освещал этот квадрат улицы прежде, был разбит, причем совсем недавно, потому что осколки его хрустели под ногами, как лед или сахар.

В густых синих сумерках, чувствуя дрожь во всем теле, Юля поднялась на крыльцо, открыла дверь – она легко поддалась, и это еще больше насторожило ее, – и в лицо ей пахнуло тяжелым запахом копоты и испражнений.

Черное нутро здания было невозможно разглядеть, поэтому Юля взяла такси и попросила отвезти себя в ближайший хозяйственный магазин, чтобы купить там фонарь. Но, вернувшись уже с ним, она горько пожалела об этом: сноп света высветил лишь закопченные стены коридора, дальше – руины вместо приемной и сырые от воды стены кабинетов... Дорогая итальянская мебель сгорела дотла, а вместо стекол окна затягивала прозрачная пленка (вот почему они напомнили ей глаза слепого). Кто-то позаботился о том, чтобы в этот разгромленный и оскверненный приют справедливости (какие-то твари превратили часть коридора в общественный туалет) не могли проникнуть снаружи... Странно, как будто пленка преградила бы дорогу варварам, когда есть открытая для всех дверь.

Она поехала к Шубину, так и не дозвонившись до него из телефона-автомата. Юля знала, где он хранит запасные ключи именно на такой вот случай, ведь в их профессии бывает вся-

кое, и никогда не лишним будет знать, как открыть квартиру друга, чтобы спасти его или спастись самой. И она не очень удивилась, когда этажом выше, в специальном тайнике обнаружила связку ключей.

Но квартира Игоря не рассказала ей ничего. Ни одного знака, по которому Юля могла бы определить, где он. Да и кому он мог оставить эти знаки, если с Шукиной они всегда были не в ладах, а с Крымовым он встречался каждый день, и они редко когда выпускали друг друга из виду. К тому же у них была масса других способов связи. Но по содержимому холодильника она поняла, что Игорь не появлялся здесь приблизительно месяц, если не больше, о чем свидетельствовал заплесневелый кусочек сыра, коробка с соком – и все.

Городская квартира Крымова была заперта на новые замки, которые прежде Юля не видела. Она позвонила и была потрясена, когда увидела на пороге заспанную толстую женщину в розовом халате. Оказывается, новая хозяйка купила эту квартиру у Крымова полгода тому назад (действительно у Крымова, а то Юля подумала уж, не заболела ли она болезнью Аперманис, не приснился ли ей Крымов и был ли он вообще в этой жизни). Вопросы были исчерпаны. Надо было ехать за город, в резиденцию Крымова и Шукиной, но этого она делать не могла по многим причинам, а потому ей ничего не оставалось, как навестить Лешу Чайкина, бывшего мужа Шукиной, судмедэксперта, с которым они плотно работали и дружили до отъезда Юли в Москву.

– Леша, это ты? – спросила она, увидев в оранжевом прямоугольнике двери морга худощавую и почти хрупкую от игры света фигуру.

– Я. Проходи, Земцова, – услышала она знакомый и такой родной голос, что не выдержала, бросилась к нему в объятия и разрыдалась.

Глава 2

– По городу ползут самые разные слухи, так что ты должна быть готова ко всему...

Леша говорил хрипловатым от волнения голосом, и видно было, что даже выпитая водка не действует на него – настолько велико было его горе.

– Они исчезли почти одновременно, и никто не знает, где они. Ни Крымова, ни Игорька, ни... Нади... Но она знала, что делает, когда уходила от меня и принимала веру Крымова, я предупреждал ее, что жизнь с Крымовым...

– Не надо, Леша... Крымов такой же, как все, разве что более высоко летает, чем мы...

– Да он авантюрист, и для него жизнь человека ничего не стоит. Как эксплуатировал вас с Шубиным, как с умным видом писал какую-то дурацкую книгу, пока вы, взмыленные, носились в поисках призраков... Ненавижу его, убил бы на месте...

– Неправда, и ты прекрасно это знаешь, а если он сейчас объявится, если случится невероятное, сейчас откроется дверь и он войдет, уверена, что ты обнимешь его...

– Ты дура, Юля, ты любишь Крымова и любишь слепо, а я мужик, мне все это представляется несколько иначе.

– Ты был в их коттедже?

– Да кто там только не был... Там никого. Все заперто. Ваши знакомые ребята из прокуратуры взломали входную дверь, обшарили весь дом, но ничего не нашли, я имею в виду записку или знак... Заперли снова, опечатали и установили наблюдение. Но я не верю, что это что-то даст.

– Но должна же быть какая-нибудь причина! Куда они делись? Может, ты что-нибудь вспомнишь, какие-нибудь последние дела...

– Последнее дело обычное – убийство девушки по имени Марина, фамилия ее, не пове-ришь, Бродягина...

– Я бы не хотела жить с такой фамилией, – усмехнулась Юля, представив мгновенно худосочную девицу с взлохмаченными волосами, закутанную в рубище. – Ты хочешь сказать, что к убийству этой девушки имело какое-то отношение наше агентство? Крымов?

– Судя по тому, что он незадолго до своего исчезновения звонил мне сюда и справлялся, кто забирал труп Бродягиной, я понял, что ему это небезразлично, следовательно, его могли нанять, чтобы найти убийцу.

– Давай поконкретнее. Дата смерти, обнаружения трупа, причина смерти и прочее...

– Девушку отравили первого марта, почти месяц тому назад, а труп ее нашли уже на следующий день, за городом, неподалеку от станции техобслуживания.

– Для судмедэксперта ты довольно много знаешь, но подробнее об этом мне, наверное, смогут рассказать и Сазонов с Корниловым, как ты думаешь?

– Уверен. Потому что убийцу Бродягиной не нашли, а тут и еще одно убийство, о котором до сих пор пишут все газеты...

– Местная знаменитость? Что случилось?

– Земцова, я тебя не узнаю... Разве ты ничего не слышала об убийстве отца Кирилла?

– Отца Кирилла? Я слышала что-то краем уха о Кирилле, но думала, что это грохнули какого-нибудь преступного авторитета с такой кличкой, но уж никак не могла представить себе, что речь идет о священнике. Но его-то за что убивать? Как его убили, когда? До или после убийства Бродягиной?

– Ну вот, вижу, что начинаешь приходить в себя, это радует. Дело в том, что наш отец Кирилл – известный на всю Россию правозащитник, человек необыкновенный, почти святой. А убили его жестоко и цинично – зарезали неподалеку от собственного дома ножом в живот.

Это случилось, если мне не изменяет память, восьмого февраля, задолго до смерти Марины Бродягиной.

– Так, может, ЭТИМ делом поручали заниматься Крымову?

– Поручали, да только он отказался. Сразу. Он не такой дурак, чтобы подставяться. С его способностями, как ты можешь понять, ему опасно заниматься распутыванием преступлений такого рода...

– Это почему же?

– Да потому что убийство отца Кирилла – преступление международного уровня...

– Да брось ты! Леша, что ты такое говоришь?

– Пойди в библиотеку и почитай подшивку центральных российских газет, и тебе сразу все станет понятно. Да, внешне это преступление может выглядеть как убийство с целью ограбления, поскольку пропали ценные вещи – золотой крест и прочее... Но это лишь попытка повести следствие по ложному следу. Истинная цель убийства – раскатать христианство, заткнуть правдоречивый рот. Это дьявольские дела, понимаешь ты или нет?

– Леша, ты удивляешь меня серьезностью, с которой все это говоришь. Я почитаю, может, ты и прав... Но откуда тебе известно, что Крымову предлагали заняться поиском убийцы и что он не взялся за это?

– Мне Надя сказала, но она-то преподнесла это совершенно под другим соусом, она расстроилась, что Крымов отказался от денег, которые предлагали ему какие-то люди, чуть ли не из международной организации, чтобы только узнать имя убийцы. Для них это принципиально, понимаешь? Но он отказался, сказал, что ему своя шкура дороже. Вот так-то.

– Да, что-то это не похоже на Крымова, который за копейку удавится...

– Он здравомыслящий человек, ты напрасно так о нем думаешь, что он из-за денег будет подставлять свою голову... Он осмотрительный и даже скорее чуточку трусоват...

– Леша, что-то мы с тобой слишком много эпитетов повесили на бедного Крымова, причем не очень-то лестных... Согласись, что ты тоже не можешь к нему относиться объективно, поскольку он увел у тебя жену, твою обожаемую Шукину?...

– Не знаю, возможно, ты и права, я ведь тоже живой человек...

– Все правильно. А что касается опустевшего агентства, то здесь можно предположить, что ребята просто выехали на задание. А пожар в агентстве устроили подростки или просто хулиганы, которые сначала ограбили офис, а потом подожгли, чтобы замести следы.

– Поэтому у тебя такое зеленое и перепуганное лицо, так? Ладно, Земцова, ты лучше расскажи о себе, как докатилась до такой жизни, где твой муж и почему ты здесь?

– Я вернулась, и этим все сказано, – уклончиво ответила Юля.

Она понимала, что рано или поздно ей придется кому-то рассказать о себе, Шубину ли, Крымову, но только не Шукиной и не Леше. Чувство стыда мешало ей раскрыться перед Чайкиным, сдерживало готовые прорваться слова правды о Харыбине, о человеке, в котором она ошиблась и которого приняла за мужчину, способного помочь ей забыть о Крымове.

Глядя прямо в глаза Чайкина, она спрашивала себя, сможет ли он понять ее и протянуть руку помощи, в которой она сейчас так нуждалась. Да и можно ли вообще рассказывать об интимных сторонах жизни мужчине? Не проще было бы поделиться своей болью с той же душевнобольной Аперманис, использовав ее присутствие, чтобы выговориться, попытаться объяснить с ее помощью самой себе все, что произошло в Москве, где она оставила своего законного мужа? А еще лучше было бы сохранить все в себе и постараться не расплескать ни капли боли и разочарования от нового брака с тем, чтобы, поднакопив сил, самой справиться с обрушившимся на голову несчастьем. Но это было бы уже высшим пилотажем проявления внутренней силы...

– Ты бросила Харыбина? Ты уехала от него? – услышала Юля и почувствовала, как сильнее забилось ее сердце. – Не хочешь – не отвечай, это твое дело, да только ты какая-то растерянная, словно порываешься что-то сказать и не можешь решиться...

– Вот когда решусь – расскажу. А сейчас давай вернемся к разговору о Бродягиной. А что, если это по ее делу все разбежались в разные стороны? Ты говорил, что Крымова интересовало, кто забирал ее тело?

– Но ведь это единственное, что я знаю.

– А как ее отравили? Чем?

– Мышьяком, все тривиально, словно в дешевом романе. Ты, кстати, могла бы поработать в этом направлении, если бы ваш офис не сгорел, ведь ты приехала сюда, чтобы...

– Как ты догадался?

– Да у тебя же все написано на лице. Тебе надо отвлечься от Москвы, от Харыбина, а здесь вон какое поле деятельности. Жаль, что у тебя нет лицензии на право занятия частной сысковой деятельностью, в твоём положении только работа спасла бы тебя от хандры...

Юля подняла глаза и внимательно посмотрела на Чайкина, как бы раздумывая, рассказывать ему о том, что чуть ли не в первые минуты пребывания ее в С. ей привалила такая клиентка, работая с которой забудешь и собственное имя, не то что Харыбина.

– Знаешь, я поживу пока спокойненько дома, отосплюсь, отдохну, а за это время, может, мне кто и позвонит по старой памяти... Такое уже не раз бывало, когда обращались именно ко мне, а не в агентство.

– Тоже правильно. В таком случае желаю тебе скорейшего душевного выздоровления... – с ноткой грусти проговорил Чайкин. – А если что, заходи.

– Нет, уж лучше ты ко мне приходи, можно прямо сегодня вечером. Вместе поужинаем.

Она вышла из морга с тяжелым сердцем. Встреча с Лешей не принесла успокоения: Крымов с женой и Шубиным исчезли в неизвестном направлении, агентство кто-то подпалил, от участия в расследовании убийства отца Кирилла Крымов отказался, а про Бродягину и вовсе ничего не понятно...

Она из телефона-автомата позвонила в прокуратуру и, услышав знакомый и такой родной голос старшего следователя Корнилова, поняла, кто ей поможет обрести душевное равновесие.

* * *

– Юлия Земцова собственной персоной! – Виктор Львович поднялся ей навстречу и потечески сгреб ее в свои сильные объятия. – Сбежала от Харыбина? И правильно, пора заняться делом. Отдохнула в браке – и хватит. Ты извини, что я так с тобой запросто, ведь ты же теперь москвичка...

– Да бросьте вы, Виктор Львович, какая я москвичка, если вернулась? Здесь все мое, все родное, здесь мои друзья...

– Друзья. Так, понятно. Выходит, ты ничего не знаешь. Садись и постарайся взять себя в руки. – Корнилов сменил тон на более серьезный и мрачный и даже почернел лицом, когда произнес имя Крымова: – Женька исчез, думаю, с ним или даже с ними БЕДА.

– Нет... Это же еще неточно...

– Неточно, но их уже давно нет в городе, и никто не знает, куда они делись. Ни следа, ни зацепки, понимаешь? Ты же не была в агентстве, еще ничего не видела?...

– Была. Видела.

– Ну а чего тогда?.. Кому-то Женя крепко перешел дорогу. Он всегда ходил по острию лезвия, но на этот раз, видимо, интуиция ему изменила...

– Вы знаете, каким делом занималось агентство в последнее время, перед их исчезновением?

– Ничем. Насколько мне известно, они сидели без работы. Обращалась к нему мать Марины Бродягиной, девушки, которую убили в начале марта. Но я звонил ей, она клянется, что Крымова не нанимала.

– Виктор Львович!

– Юля, ты думаешь, что я такой бестолковый и ничего не понимаю? Пусть даже она и соврала мне, чтобы выгородить Крымова и скрыть его участие в расследовании, это, в конце концов, ИХ финансовые дела, и она элементарно может не быть в курсе нашей профессиональной этики, но ведь ее дочь – извини меня за прямоту – обычная шлюха, и навряд ли агентство погорело из-за какой-то там... – и Корнилов совершенно неожиданно для Юли матерно выругался.

– Убийство до сих пор не раскрыто?

– Нет. Увы... А что, ты хотела бы подключиться?

– А это возможно?

– Если разыщешь Крымова – пожалуйста, я почему-то уверен, что Бродягина заплатила ему и что если с ним что и случилось и он пропал, то пропал вместе с деньгами или же они у него где-то спрятаны.

– Откуда такая уверенность, что между ними существует договоренность и что Бродягина заплатила Крымову аванс?

– Да потому, что сначала она приходила с этими деньгами ко мне, понятно? Вы же, бабы, дуры! Я бы мог повязать ее прямо здесь, в кабинете, но, понимая, сколь велико горе матери, у которой убили молодую дочь, я лишь намекнул ей о существовании крымского агентства...

– Я все поняла, – Юля с тоской и ужасом подумала о том, что мир не изменился и что Корнилов, выступив в очередной раз посредником между потенциальным клиентом и Крымовым, как это бывало и раньше, понадеялся на приличные комиссионные, на которые, в сущности, и жил с того самого момента, как помог Жене открыть агентство. – Но тогда тем более вы должны быть заинтересованы в том, чтобы я как можно скорее узнала адрес Бродягиной...

– А как ты ей представишься?

– Обычно назовусь, скажу, что ищу Крымова, и попытаюсь вывести у нее, когда она виделась с ним в последний раз.

– Она тебе ничего не скажет.

– Посмотрим. Я же на самом деле буду интересоваться больше Крымовым и ребятами, чем ее дочерью, это уж если она сама захочет мне что-то рассказать или даже поручить, вот тогда мы поработаем с вами вместе и попытаемся найти убийцу девушки, – говорила Юля уже открытым текстом.

– Молодец, Земцова, уважаю... Как там Харыбин?

– Замечательно. Я жду адрес...

Она вышла из стен прокуратуры и, не оглядываясь, быстрым шагом направилась в сторону стоянки такси. То, что произошло минуту назад в кабинете Корнилова, потрясло ее. Открыв сумочку, чтобы положить туда листок с адресом Бродягиной, Юля увидела на самом дне деньги, которые предлагала ей вчера Аперманис. Если это не мираж, то каким образом эти доллары могли оказаться в ее сумочке? И если Аперманис все же изловчилась и сунула их незаметно в сумку перед уходом, то ЗАЧЕМ? Она что, совсем идиотка, которая не знает цену деньгам? Либо же она вовсе не душевнобольная, а, напротив, хитрая и опасная особа, связанная каким-то образом с исчезновением ребят из агентства и перед которой, к примеру, стоит задача подставить или уничтожить последнего работника агентства – Юлю Земцову?

Конечно, в подобное верилось с трудом. Но баксы-то реально существовали! Вот они, лежат на дне сумки и дразнят ее, безденежную, одинокую и так предательски униженную Харыбиным, несчастную... Да, с деньгами она бы почувствовала себя увереннее, это точно. Так куда

же теперь ехать? К Бродягиной, чтобы навязаться ей в качестве частного сыщика, или к этой дуре Аперманис, подкинувшей ей пачку долларов?

И она поехала к Аперманис.

* * *

Адрес Риты, сохранившийся в блокноте, привел Юлю в квартиру на тихой центральной улочке. Она позвонила, но на звонок никто не отреагировал. Тогда она прибегла к своему излюбленному способу добывания интересующей ее информации – позвонила в соседнюю дверь.

Ей почти тотчас открыли, и на пороге Юля увидела молодую женщину в домашнем халате. Со скучающим видом она выслушала Юлины вопросы, касающиеся ее соседки, после чего, пожав плечами, сказала:

– Вы такая странная. Да откуда я могу знать, что представляет из себя эта особа и когда точно сюда въехала. Одно могу сказать – она живет одна и никакого мужа у нее нет. Девушка она красивая, одевается дорого, со вкусом, ни в чем себе не отказывает, по ночам ведет себя тихо и вообще как соседка меня вполне устраивает. Но вот то, что она не является хозяйкой этой квартиры, это точно, потому что хозяйка пару лет назад уехала из города, а квартиру сдает постоянно. Думаю, что кто-то из родственников присматривает за ней и следит за порядком и прочим... А вы-то, собственно, кто?

– Никто, – и Юля, не боясь показаться невежливой, развернулась и пошла к лестнице. Ей не понравилась девица, особенно тон, с которым она к ней обращалась. Хотя с какой стати этой соседке рассыпаться бисером перед незнакомкой, потревожившей ее своими расспросами.

Так, рассуждая, правильно ли она поступила, отбрыв неприятную особу, Юля вышла на улицу и поняла, что совершила большую глупость, не попытавшись выяснить хотя бы фамилию настоящей хозяйки квартиры. Но что сделано – то сделано, а потому ей ничего не оставалось, как возвращаться домой или разыскивать Бродягину. Но не хотелось делать ни того, ни другого, да и вообще на душе стало как-то нестерпимо тоскливо и зябко. «В таком состоянии, – промелькнуло у нее в голове, – люди начинают подумывать о смерти...»

И вдруг она увидела Аперманис, быстрым шагом приближающуюся к подъезду. В сером свете дня Рита казалась ярким красным пятном в своем экстравагантном пальто и шапочке с золоченой пуговицей на боку.

– Юля! – она почти кинулась к ней, еще немного, и свалила бы ее на землю, настолько стремительно и дерзко налетела на нее. Ослепительная улыбка, демонстрирующая узкие белизны белоснежные зубки, как-то странно подействовала на совершенно сбитую с толку Юлю и заставила улыбнуться в ответ. Словно кто-то невидимый растянул ее губы в улыбку. – Как здорово, что вы пришли... Не бросайте меня, я никакая не больная, а просто вляпалась, сами знаете, как это бывает... Может, маньяк какой, а может, мне просто кто-то морочит голову. Надеюсь, вы не заявили на меня в милицию... Я по поводу того трупа, который завернут в желтый ковер...

– Если вы еще раз произнесете что-то про желтый ковер, я уйду, – вынуждена была предупредить ее Юля. – Вы или разыгрываете меня и вам необходимо мое присутствие в вашем доме для какой-то другой цели, либо же вы больны, как я вам уже, собственно, и намекала... И зачем вы положили мне в сумку деньги? Зачем? Скажете, это поступок здорового человека?

– Надеюсь, что когда-нибудь вы все узнаете сами... Но давайте лучше поднимемся ко мне и поговорим обо всем спокойно без свидетелей, – Аперманис кивнула головой на проходящих мимо и ежившихся от ветра прохожих. – Я же вам все-таки доверилась, принесла деньги, а вы так грубо выставили меня за дверь. Это невежливо...

В квартире было тепло и уже очень скоро запахло кофе, сваренным для нее Ритой. Разговаривая ни о чем со своим приятнейшим акцентом, который все больше и больше располагал к ней Юлю, Аперманис совершенно неожиданно вернулась к теме денег:

– Знаете, я вдруг не так давно поняла, что самое простое в плане защиты от негативных проявлений жизни это дать нужному человеку деньги. Деньги – это своеобразная философия. Только с ними человек может чувствовать себя свободным, и не надо делать вид, что вы думаете иначе. Менталитет русских людей изменился, и всем теперь подавай деньги. Вы можете не поверить, но даже в библиотеке, когда мне понадобилось взять несколько книг – а у меня заграничный паспорт и нет прописки, – пришлось дать взятку! Это ли не смешно? Но то – пустяковая взятка, я всучила ее прямо заведующей, и она теперь мне обязана...

– Теперь вы всучили их мне? Захотели, чтобы и я почувствовала себя обязанной вам?

– А разве пять тысяч долларов – заметьте, я положила вам только аванс, – ни к чему не обязывают?

– Обязывают, это верно. Но ведь вы рассказали мне совершенно неправдоподобную историю о каком-то монстре, насилующем вас по ночам и жестоко избивающем...

– А как бы вы себя повели, если бы с вами случилось подобное? Неужели вы не понимаете, что мне страшно? Мне страшно настолько, что я готова выложить и не такие деньги...

– Они, случаем, не фальшивые?

– Знаете, что я вам скажу?... Я не ожидала, что вы настолько циничная и жестокая, мне рассказывали о вас совершенно противоположное, что на вас можно положиться, что вы способны внушить человеку уверенность в себе чуть ли не взглядом... Мне понятно ваше презрение, свойственное каждой женщине, оказавшейся в более выгодном положении, нежели, скажем, я в роли клиентки, мол, расплачивайся сама за свои грехи или что-нибудь в этом роде... Но поймите, в моей жизни происходят невероятные вещи, кто-то неизвестный издевается надо мной...

– Вы же сами сказали, что этого насильника ваш муж убил и закатал в ковер... – Юля из последних сил старалась держать себя в руках, поскольку дальше слушать этот бред было просто невыносимо. – Вы не обижайтесь, Рита, но, по-моему, вам следует обратиться к услугам психотерапевта, а не частного детектива, и я не удивлюсь, если окажется, что вас... никто не насиловал и не избивал и что вы вообще не замужем...

За время беседы Юля успела осмотреться и пришла к выводу, что следы пребывания в квартире мужчины отсутствуют. В основном же обстановка свидетельствовала о некой душевной неразберихе хозяйки, точнее, квартирантки Аперманис. Какая-то неприбранность, элементы беспорядка (разбросанные где и как попало вещи, грязные чашки и переполненные пепельницы на полках, столе и даже подоконниках, запыленный ковер под ногами, непромытые стекла окон и тяжелый, спертый, горьковатый запах старой мебели) действительно указывали на то, что человек, живущий среди этого хаоса, нуждается в душевной поддержке. Но где таинственный маньяк? Где желтый ковер, в который завернули его труп? Где муж, и был ли он вообще?

– Хорошо, – сдалась Юля, – давайте поговорим начистоту: что вы от меня хотите конкретно?

– Начистоту? Отлично. Я хочу, чтобы вы пожили со мной, чтобы каждый день я просыпалась в вашем присутствии и засыпала, видя вас перед собой, чтобы я постоянно чувствовала себя в безопасности...

– Вы хотите, чтобы я стала вашим телохранителем? Но я не владею карате и тому подобными вещами...

– Называйте это как хотите, но мне страшно, и я прошу вас пожить со мной. Параллельно с этой работой (а я считаю, что вы таким образом будете именно РАБОТАТЬ и отрабатывать

свои деньги) вы сможете вести любые другие дела. Больше того, поскольку у меня сейчас не самое лучшее время в моей жизни и я временно отошла от дел, я бы могла... помогать вам.

– Помогать? Но в чем?

– Сопровождать вас куда угодно, помогать вам в расследовании других дел, ведь я боюсь только своей жизни и своего Неизвестного, понимаете? А что, если, занимаясь с вами вашими делами, я вылечусь от ипохондрии?

Это была первая здравая мысль, высказанная Аперманис, и Юле неожиданно пришло в голову, что, быть может, именно присутствие рядом посторонней женщины, терзаемой внутренними проблемами, вылечит ее, Юлю Земцову, от собственной душевной боли. Времени на раздумье не было – исчезновение Крымова и ребят обязывало ее мобилизовать все силы и финансовые ресурсы, чтобы разыскать их, и кто, как не Аперманис со своими бредовыми затеями, могла сейчас помочь ей начать расследование?

– Хорошо, я согласна пожить с вами и поохранять вас от ваших кошмаров и призраков, но сначала ответьте мне на такой вопрос: сколько времени все это будет продолжаться?

– Пока у меня не кончатся деньги! – с жаром воскликнула окрыленная надеждой Рита, и глаза ее заблестели. – Возможно, это случится через месяц... Я хочу сказать, что пять тысяч – за полмесяца работы, остальные пять тысяч – за следующие полмесяца, а там видно будет. Но у меня тоже есть условие.

– И какое же?

– Вы не станете приглашать ко мне психиатров и психотерапевтов. Может, моя крыша и поехала, может, мне и действительно нужен хороший врач, но это потом, а сейчас мне нужно избавиться от страха физической смерти, мне нужен такой вот необычный телохранитель, как вы, Юля.

– А если объявится ваш муж?

– Не думаю, что он такой дурак... Вполне возможно, что моим синякам и ссадинам есть вполне реальное объяснение...

Вот уж этой конкретной фразы Юля ну никак не ожидала: она уже устала удивляться. Неужели сейчас она услышит от Риты нечто такое, что поможет ей лучше понять ее или, что уж совсем нежелательно, отказаться от работы на нее?

– И что же это за реальное объяснение?

– Этим маньяком мог быть мой муж. Возможно, он задумал свести меня с ума, чтобы избавиться от меня и надолго упечь в психушку.

– Но это-то зачем? Вы что, богатая наследница или что-нибудь в этом роде?

– Вот это я и хотела бы узнать.

– Но вы же сами сказали, что в мои обязанности будет входить не поиск вашего мужа, а просто пребывание рядом с вами...

– Там видно будет, – загадочно произнесла Аперманис и оглянулась, словно боясь, что ее кто-то услышит. – Если потребуется его разыскать, то я заплачу вам вдвое больше...

Юля тряхнула головой, сбрасывая с себя оцепенение, вызванное шизоидными выпадами собеседницы, – нет, положительно, такая работа стоила дорого: находиться рядом с больным человеком опасно для собственного здоровья.

– Мы будем составлять с вами письменный контракт или соглашение? – спросила она. – Зафиксируем на бумаге все условия моего проживания на этой квартире, чтобы подстраховаться?

– Думаю, обойдемся без формальностей. Больше того – я надеюсь на вашу дружбу... – вдруг покраснела Рита, словно сказала что-то непозволительно откровенное, чего нормальные люди не произносят вслух.

– Замечательно. Тогда я сегодня же переезжаю к вам, согласны?

– Да не то слово! – И Аперманис разразилась слезами радости.

«Ничего себе возвращеньице», – подумала Юля, глядя на обезумевшую от счастья Риту, закружившуюся по комнате и разве что не танцующую в такт барабанившей по жестяным подоконникам весенней капли.

А часом позже они перевезли на квартиру Аперманис Юлины вещи и принялись за уборку.

* * *

Глубокой ночью, обессиленная от усталости и нахлынувших на нее проблем, Юля стояла под горячим душем и спрашивала себя, откуда она взяла в себе столько сил, чтобы взвалить на свои плечи все горести и напасти совершенно чужого ей человека. Неужели деньги – столь мощный рычаг, с помощью которого можно отыскать в себе скрытые душевные и физические резервы? Вот Крымов всегда говорил, что деньги в жизни – это все, и все его почему-то потихоньку презирали за это. Чистоплюйство – пожалуй, так можно охарактеризовать это отношение к его вполне справедливым словам. Можно говорить о том, что деньги в жизни занимают не первое место, что честь, порядочность, совесть имеют куда большую ценность, но куда ты денешься с этим бременем духовных сокровищ, если у тебя нет денег? И как ты докажешь всему миру свою состоятельность, если ты несвободен? Ведь только с помощью денег человек может обрести свободу перемещения в пространстве, только обладая определенными материальными ценностями, можно с уверенностью глядеть в будущее, и это не простые слова, это истина...

Юля не заметила, как вышла из ванны и, накинув халат, вошла в комнату, где на широкой двуспальной кровати, застеленной чистейшим бельем, уже поджидала ее, нахохлившись и поджав под себя ноги, одетая в нарядную и немного детскую, в красный горох, фланелевую пижаму Рита Аперманис. Спать с ней в одной постели было одним из условий, причем непременно.

– Ну что, спим? – спросила Рита, накрываясь махровой простыней, и благодарным взглядом скользнула по Юле. – Ты тоже накрывайся своей простыней и давай спать. Господи, неужели я сегодня выплусь?

– А ты не можешь еще раз показать мне свои синяки?

Рита откинула простыню, приспустила пижамные штанишки и показала побледневшие кровоподтеки на бедре.

– Заживают, – сказала она, слабо улыбаясь.

– Спокойной ночи, – Юля протянула руку и коснулась плеча Риты. – Ничего не бойся... Это ничего, что я на «ты»?

– Да, конечно, ничего... – и Рита, зарывшись головой в простыню, прижалась к Юле. – Спасибо тебе... и спокойной ночи...

Поплакав всего несколько минут легкими детскими слезами, Рита вскоре затихла и уснула.

Глава 3

Утром затея проживания в чужой квартире за деньги показалась Юле чудовищно нелепой. Проснувшись и открыв глаза, она сначала долго смотрела на спящую безмятежным сном Аперманис, после чего тяжело вздохнула и поняла, что раз уж ей довелось вляпаться во все это, то надо использовать желание клиентки помочь уже в ее, Юлином, расследовании. Быть может, поэтому, не дав ей опомниться и даже не спросив, как Рита провела ночь и не изнасиловал ли ее Неизвестный на этот раз и не избил ли ее, Юля первым делом заставила ее сделать вместе с собой легкую гимнастику, облиться холодной водой и плотно позавтракать овсянкой и бутербродами с сыром.

– Здоровый образ жизни – превыше всего, – заявила Юля бодрым голосом, отгоняя прежде всего от себя мрачные мысли. Утром факт исчезновения Крымова с Щукиной и Игорем Шубиным вызвал у нее естественную реакцию – готовые хлынуть в любую минуту слезы. – Если ты не против, мы сегодня же примемся за одно дельце... Ты обещала мне помогать...

– Я готова, – лучезарной улыбкой ответила ей Рита, намазывая на булочку масло. – А почему ты не спрашиваешь, как я спала?

– Да потому, что я вижу это по твоей умиротворенной физиономии...

– Признайся, ты напоила меня вчера вечером успокоительным? Что-то подсыпала или подлила в чай или молоко?

– Ничего я тебе не подмешивала. Ты сама спала, как сурок. Но ты уходишь от ответа. Ты согласна поехать со мной, навестить одну особу, которая не так давно схоронила свою дочь?

– А что с этой дочерью случилось? – улыбка моментально сошла с лица Аперманис.

– Ее убили.

* * *

Александра Ивановна Бродягина встретила Юлю на пороге – чувствовалось, что она ждала неожиданно объявившуюся в городе и позвонившую ей Земцову с нетерпением.

Увидев, что Юля пришла не одна, она вопросительно взглянула на молчаливо стоящую рядом с ней девушку.

– Это наша сотрудница, – вынуждена была обмануть Юля, чтобы оправдать присутствие Аперманис. – Александра Ивановна, вы, верно, удивлены моим приходом...

– Я очень рада, – сдержанно пробормотала убитая горем мать, предлагая гостям кресла, – я слышала о вас и примерно такой и представляла... Вас ведь прислал Крымов? Он сказал мне, что сильно занят, что у него обязательства перед другими клиентами, упомянул о вашем отсутствии, поэтому я не удивилась вашему звонку.

– Тем лучше, – произнесла Юля, поразившись столь странному стечению обстоятельств: ведь она пришла сюда в первую очередь из-за самого Крымова, чтобы узнать у Бродягиной, не знает ли она что-либо о причине его исчезновения, и чтобы понять, не связано ли это исчезновение с убийством ее дочери. Но уже находясь здесь и глядя в глаза женщине, расценивающей визит Земцовой как появившуюся реальную надежду найти убийцу дочери, разве сможет она сейчас бросить ее? Но Крымов-то смог...

– Значит, Крымов отказался работать, сославшись на загруженность? – Юля старалась говорить сухо и деловито, хотя наполнившиеся слезами глаза Бродягиной вызывали в ней сострадание и боль. – Это все, что он вам сказал?

– В общем-то, да, – развела руками Александра Ивановна. – А я ведь была готова заплатить ему, потому что деньги у меня были... Они и сейчас есть, остались от Мариночки...

– Александра Ивановна, дело в том, что я пришла сюда, к вам, не потому, что меня прислал Крымов, а потому что с Крымовым что-то случилось, он исчез вместе со своими сотрудниками, а агентство, я имею в виду его офис, сожгли дотла, понимаете?

В квартире стало очень тихо. Александра Ивановна, тихонько ахнув, обхватила ладонями побледневшие щеки и покачала головой:

– Я не знала, вы извините меня, но я действительно первый раз об этом слышу... Да и как я могла об этом знать, если телевизор не смотрю, газет не читаю, да и вообще практически не выхожу из дома... Я не могу никак прийти в себя из-за смерти Мариночки. Значит, ваш визит никак не связан с желанием помочь мне найти убийцу?...

– Перед тем как ответить, я должна задать вам несколько вопросов, связанных с вашей дочерью, и если окажется, что ее смерть хотя бы косвенным образом связана с исчезновением Крымова, то я непременно возьмусь за расследование и сделаю все, чтобы распутать этот клубок. А что говорит милиция? Прокуратура?

– Говорят, что ищут, но я им не верю.

– Тогда расскажите все, что вам известно об этом деле – вплоть до результатов судмедэкспертизы... – Юлия уже горько пожалела, что не расспросила Лешу Чайкина поподробнее о причине смерти Марины Бродягиной, да и немудрено было, когда он, едва упомянув о ней, сразу же перевел разговор на убийство отца Кирилла.

– Марину обнаружили почти за городом, на станции техобслуживания второго марта, а отравили ее первого марта мышьяком.

– Когда вы видели вашу дочь последний раз?

– Да первого марта и видела, она собиралась куда-то, тщательно приводила себя в порядок, долго пробыла в ванной комнате, затем целый час гладила костюм... Собиралась на свидание...

– С кем?

– Если бы знать. Марина не считала своим долгом распространяться о своих знакомых мужчинах, я даже не знаю, сколько их у нее было, но думаю, что не так мало. Девушка она была видная, я бы даже сказала, красивая, – Александра Ивановна подняла голову и посмотрела на убранный черным газом фотопортрет Марины (узкое иконописное лицо с большими темными глазами, прямой, красивой формы нос, пухлые губы, собранные в бутон, и копна выющихся темных волос). – Понимаете, есть такие счастливые матери, которые в курсе личной жизни своих дочерей, но у нас с Мариной сложились совершенно другие отношения. Мы не были с ней подругами. И не потому, что кто-то из нас... Даже не знаю, как вам сказать. Я практически всю свою жизнь нигде не работала и жила за счет близкого друга, который содержал и меня, и мою дочку от первого, неудачного брака... Нам хватало, но, когда Мариночка выросла, кто-то из подружек внушил ей мысль, что ее мать – эгоистка, лентяйка и что это по моей вине мы не в состоянии покупать Марине дорогие вещи, вы понимаете, о чем я?

– Да уж куда понятнее...

– Должно быть, поэтому, едва созрев, она начала решать свои финансовые проблемы самостоятельно. Вы не подумайте – я старалась, чтобы у нее было все самое необходимое, у нее и шубка была приличная, и сапожки, и норковая шапка, но у Марины появились такие высокие запросы, которые мы с Петром Александровичем не могли удовлетворить...

– Марина занималась проституцией?

– Думаю, у нее были постоянные мужчины, которые содержали ее. Да, по большому счету, я думаю, это можно было бы назвать проституцией, но все же это был образ жизни более приличный, что ли... Она не была девочкой по вызову, нет, она очень любила себя, и если судить по тем обрывкам телефонных разговоров, которые мне удавалось иногда подслушать (признаюсь, я старалась хотя бы таким образом хоть что-то узнать о своей дочери), звонившим мужчинам стоило трудов уговорить ее встретиться с ними. Она разговаривала с ними вполне достойно,

и мне всегда казалось, что это идет у нее именно от осознания своей красоты... Красота – вот единственное оружие, которым она пользовалась в достижении своих целей.

– Она где-нибудь училась?

– О да, она хорошо училась, окончила филфак в университете, романо-германское отделение, работала переводчицей в одной совместной российско-германской фирме, но недолго, уволилась оттуда и, быть может, сразу после этого перешла на содержание своего первого постоянного любовника.

– Как называется эта фирма?

– У нее довольно сложное название... Подождите, я принесу вам ее визитку...

Фирма называлась «Фарма-Инвест», и Бродягина Марина Алексеевна являлась там переводчиком. А вот что стояло за столбиком из цифр – великим множеством телефонных номеров, факсами и латинскими буквами электронных адресов фирмы, – угадать было сложно. И не оттуда ли были те таинственные и невидимые мужчины, на содержании которых жила Марина?

– Вы позволите мне взять на время эту визитку?

– Разумеется, у меня их много...

– А могу я взглянуть на комнату Марины?

– Конечно, можете, пойдемте, я вам все покажу, тем более что там все сохранилось так, как было при ее жизни... Знаете, я довольно часто захожу туда, и мне все кажется, что сейчас вот раздастся лязг ключей из прихожей, в квартиру быстрым шагом войдет Марина и раздраженным голосом начнет спрашивать меня, что это я делаю в ее комнате...

– Ей не нравилось, когда вы заходили туда?

– Нет, не нравилось. Она злилась, когда я убиралась у нее, особенно когда касалась каких-то бумаг на столе, хотя бумаги-то были самые обычные – клочки с номерами телефонов, журналы, книги, ерунда, одним словом...

Юля сделала знак Аперманис не покидать своего места и пошла вслед за Александрой Ивановной в комнату ее дочери. И была поражена внешним контрастом между тем, как выглядела гостиная и спальня дочери. Если вся квартира сверкала чистотой и чувствовалось, что хозяйка следит за тем, чтобы нигде не было ни пылинки ни соринки; если за прозрачными стеклами серванта высилась гора дорогостоящей посуды, а полки радовали глаз золочеными корешками дорогих книг – то в комнате Марины все было иначе. Самое главное, что не могло не броситься в глаза, это был временный характер притулившихся в совершенно неподходящих для этого местах вещей. Свернутые ковры явно европейской работы (немецкой или итальянской, с элементами абстракции и смелых цветовых комбинаций) лежали посреди комнаты и мешали проходу; письменный стол ломился от коробок с бытовой техникой, огромная кровать, застеленная желтого цвета толстым шерстяным пледом, была завалена яркими пухлыми подушками, которые так и манили прилечь на них и выспаться...

– А что там, в углу, – неужели краска?

– Да, это и краска, и мастика, и разные сухие смеси для ремонта, и обои, и даже паркет с кафелем...

– Ваша дочь собиралась покупать квартиру?

– Я не знаю...

– Вы сказали, что после нее остались деньги.

– Остались... доллары, – шепотом произнесла Бродягина, косясь на дверь, за которой находилась неизвестная ей Аперманис, которой она явно не доверяла.

– И где же вы их нашли?

– Они были всюду – рассованы по коробкам с духами и косметикой, в книгах, в постели...

– Откуда у нее столько денег, как вы думаете?

– От мужчин! Ведь она же нигде не работала! И если не уходила к кому-нибудь на свидание, то сидела дома, смотрела телевизор или видик, читала свои любимые журналы и ела фрукты... даже зимой... Она себе ни в чем не отказывала.

– А вы? Она угощала вас?

– Нет, мы питались с ней отдельно, но я всегда готовила на троих: на нее, себя и Петю... То есть я хотела сказать, что это она питалась отдельно от нас...

Видно было, что Александра Ивановна испытывает жгучий стыд, говоря такое о собственной дочери.

– Послушайте, Александра Ивановна, ответьте мне на последний вопрос: зачем вам искать убийцу Марины, дочери, которая вела себя с вами, как... – Юля с большим трудом заставила себя замолчать, чтобы удержаться от резких выпадов в адрес девушки, к которой она уже успела проникнуться самыми негативными чувствами. – Разве вам не приходило в голову, что Марину убили из-за этих самых денег? И еще: неужели вы не понимали, что, будь она даже Брижит Бардо, за смазливую мордашку ей все равно не отвалили бы столько денег, сколько стоит вся эта дорогостоящая импортная дребедень? Ваша дочь не зря не пускала вас в свою комнату, хотя и запереться от вас не могла – должен же был кто-то присматривать за комнатой и за сокровищами, которые она каким-то странным образом зарабатывала...

«Шантаж? Воровство? Проституция? Промышленный шпионаж? Иностранная разведка?»

Журнал «Пари-матч», валявшийся на столе, привлек к себе внимание Юли мутным синим штампом на обложке.

– Вы позволите мне взять его с собой?

Так, перебрасываясь нейтральными фразами с Александрой Ивановной, Юля вдруг поймала себя на том, что не верит в ее желание разыскать убийцу дочери ради отмщения: а что, если женщина элементарно боится, что вслед за дочерью придет и ее черед?

Александра Ивановна, не произнеся вслух ни звука, открыла и продемонстрировала Юле выпотрошенную изнутри книгу «Анна Каренина» с вложенными в нее пачками стодолларовых купюр.

– Вы боитесь?

– Боюсь.

– И правильно делаете. А это чье? – Юля указала на висевшее на двери школьное форменное платье с белыми кружевными манжетами и воротничком. – Для школьницы вроде бы великовато...

– Это Маринино. Я и сама не знаю, зачем оно ей...

Юля пожала плечами:

– Бог с ним. Давайте поговорим о Крымове. Возможно, он что-то понял или узнал и после этого отказался вести дело? С чем это могло быть связано?

Александра Ивановна только вздохнула в ответ.

– Грязные деньги могут быть связаны с грязью, – сделала вывод Юля. – И я бы на вашем месте уехала хотя бы на время из города.

– А деньги? – шепотом спросила Бродягина.

– Деньги возьмите с собой, постарайтесь исчезнуть незаметно, а квартиру со всем добром оставьте под охраной, установите сигнализацию. Если вам действительно хочется знать, кто и за что убил вашу дочь, то я найду убийцу, но это будет стоить... – и Юля написала сумму в долларах, соответствующую половине той, что находилась в томике Льва Толстого. – Это сложная работа, требующая подключения экспертной группы, которая тоже не приучена работать за бесплатно... Плюс накладные расходы.

– Я согласна.

– Но у меня должен быть ваш контактный телефон на случай, если возникнут вопросы.

– Я сообщу вам сразу же...

– А теперь запишите мне координаты, фамилию, имя и отчество вашего друга.

После обычной процедуры обмена информацией и получения Юлей аванса они с Аперманис покинули квартиру Бродягиной.

– По-моему, она не очень-то расстроилась из-за смерти дочки, – веселым голосом произнесла Рита, когда они вышли на улицу и обнаружили, что на небе появилось пусть и бледное, но солнце.

– Мне показалось, что дочь для нее умерла уже давно... – Юля подумала о своем и вспомнила маму. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Нет, правда, мне с тобой рядом так спокойно.

«А мне с тобой – нет», – подумала Юля, с трудом представляя себе, каким образом будут дальше складываться их отношения. В сущности, работать в полную силу, когда за тобой тенью следует не вполне здоровое существо, от которого неизвестно чего можно ожидать, – по меньшей мере неразумно, если вообще не опасно. Но дело сделано – деньги получены, и куда теперь деться от этого озабоченного личика, этих внимательных глаз, ждущих от тебя ободряющего взгляда?..

– Я сейчас отправлю тебя домой, ты займешься приготовлением обеда, а мне надо съездить навестить одного человека – это не входит в мою работу, это личное...

Юля ожидала буйного протеста, но вместо этого нашла в Рите понимание:

– Я и сама хотела предложить, – сказала она, – главное, что ты придешь, ведь правда?

– Правда.

– Ну вот. А до ночи еще далеко.

– Ты сегодня действительно спала спокойно, и к тебе никто не приставал, тебя не мучили кошмары? – еще раз на всякий случай спросила Юля.

– Действительно. Но расслабляться все равно еще рано...

Юля вспомнила, как одна из ее последних клиенток, Лариса Белотелова, тоже просила их с Игорем Шубиным провести ночь в ее квартире, в которой неизвестно каким образом появлялись женские вещи, а по зеркалам стекала свежая кровь. Да, безусловно, в это не верилось, это казалось болезненной фантазией клиентки, но на деле выяснилось, что Лариса сама подбрасывала себе вещи убитой ею же молодой женщины, а кровь, появлявшуюся на зеркалах, Белотелова доставала через знакомого работника роддома. А Юля с Шубиным чуть головы тогда себе не сломали, пытаясь понять, откуда на зеркалах берется кровь и кому понадобился весь этот спектакль...

Идея пришла неожиданно. Оставалось только претворить ее в жизнь. Пусть это будет немножко жестоко, зато только так можно выяснить, симулирует ли Аперманис свою душевную болезнь или нет.

Купив по дороге продуктов, Юля на такси отвезла свою клиентку домой, а сама вернулась в прокуратуру к Корнилову.

– Виктор Львович, мне нужна ваша помощь. Я поделюсь с вами гонораром от Бродягиной и постараюсь найти того, кто убил ее дочь, а вы мне пообещайте информационную поддержку.

– Нет вопросов, – развел руками Корнилов. – Я рад, что ты не раскисла, а предпочла действовать.

– Я делаю это ради ребят.

– Я понял. Что тебя интересует?

– Аперманис Маргарита Марковна. Она прибалтийка, кажется, латышка. Сделайте запрос, попытайтесь выяснить о ней все, наведите справки о ее муже, которого предположительно зовут Михайлов Антон Владимирович. Она утверждает, что он бизнесмен, причем местный, но я ей не верю...

– Эта Аперманис может иметь отношение к убийству Бродягиной?

– Вполне, – снова соврала Юля, чтобы Корнилов не потерял интерес к делу, от которого он может получить свои проценты.

– Без проблем – все сделаем. Что еще?

– Я знаю, что коттедж Крымова опечатан и за ним установлено наблюдение...

– Ты хочешь побывать там?

– А вы как думаете? – голос Юли предательски задрожал.

– Ты можешь поехать туда, когда тебе будет угодно, я сейчас же позвоню ребятам и предупрежу о твоём визите.

– Там работали эксперты? Нашли какие-нибудь подозрительные отпечатки, следы пребывания посторонних?

– Огорчу тебя: ничего мы там не нашли. Такое впечатление, как будто Крымов со своей женой были застигнуты врасплох, возможно, их каким-то образом выманили из дома, посадили в машину и увезли, потому что теплые вещи все на месте, в шкафу, на столе в кухне гора грязной посуды, остатки еды, выпивки, но все это было накрыто на двоих, и отпечатки пальцев принадлежат лишь им двоим.

– А шубинские пальцы?

– Только на ручке входной двери, но на фужерах и приборах они отсутствуют. Судя по состоянию остатков пищи, хозяева коттеджа ужинали числа семнадцатого-восемнадцатого, а уж дату исчезновения ребят так и вообще невозможно определить... Но где-то в этих числах, если не позже.

– Понятно... что ничего не понятно... А что с Мариной Бродягиной? Что вам известно о ней?

– Красивая молодая девка, говорят, была любовницей отца Кирилла...

– Есть доказательства?

– Да, есть: в квартире Кирилла, в его кабинете нашли фотографию обнаженной Бродягиной, да и жена его, Тамара, утверждает, что подозревала об их связи, хотя сам отец Кирилл объяснял свой интерес к Марине совершенно иначе – он якобы спасал заблудшую душу... Есть еще один факт, который указывает на их любовную связь, – среди вещей Марины, в ее сумочке, которую обнаружили неподалеку от тела, нашли золотое кольцо, принадлежавшее отцу Кириллу, причем на кольце сохранились следы его крови...

– Ничего не понимаю... Откуда на кольцо его кровь и как вообще догадались, что кровь именно его?

– Вот именно, что это только догадки, но с другой стороны, отца Кирилла убили восьмого февраля, его пырнули ножом, и, пока он полз до дома, прижимая к животу руки, он весь залился кровью... Он и умер-то от ее потери. Если бы его жена оказалась дома, увидела его из окна и вызвала «Скорую», он остался бы жив...

– И вы решили связать эти два убийства лишь потому, что у него нашли фотографию обнаженной Марины? Не маловато?

– Дело в том, что убийца отца Кирилла отрубил его безымянный палец правой руки, на котором как раз и было это самое золотое кольцо, которое позже нашли у убитой Бродягиной.

Юля просидела у Корнилова около двух часов, пытаясь воссоздать картину этих двух убийств, которые и в самом деле казались каким-то образом связаны. Из рассказа Корнилова и уже имеющихся документов следствия выходило, что ближе к вечеру на отца Кирилла, возвращавшегося лесом из храма, расположенного в двух автобусных остановках от его дома, было совершено нападение. Неизвестный вогнал большой охотничий нож ему прямо в живот, ограбил его, отняв все имеющиеся у него деньги (по словам жены, при нем должно было быть не менее двух тысяч рублей), отрубил палец с плотно сидящим на нем золотым кольцом, снял с груди нательный золотой крест с цепью и забрал ценные старинные церковные книги. Тело отца Кирилла обнаружила поздно вечером в кустах рядом с забором собственного дома его

жена, и только утром по кровавому следу следственная группа вышла на лесную тропу, где и было, судя по всему, совершено нападение. И ни одного свидетеля: никто из местных жителей ничего не слышал и не видел. Как обычно.

– Скажите, но кому же понадобилось убивать несчастного священника? – недоумевала Юля. – Неужели из-за золотых вещей или книг?

– Крест был массивный, дорогой, да только его так и не нашли, а вот кольцо, поди ж ты, обнаружили в сумочке Бродягиной... Вот и распутывай после этого... Чертовщина какая-то!

– А что, если это просто-напросто грабеж, разбой? Извините меня, но подобный нателеный крест – настоящее сокровище. Я вот только не понимаю, как же могла Александра Ивановна промолчать о том, что ее дочь встречалась с отцом Кириллом, что у него нашли ее фотографию... Кстати, а где она?

– У меня в сейфе.

– Я могу взглянуть?

– Само собой, – и Корнилов достал папку с материалами дела. В прозрачной пластиковой папке действительно оказалась довольно большая и четкая черно-белая фотография обнаженной Марины Бродягиной.

– Виктор Львович, а что, если эту фотографию ему подкинули?

Юля вдруг поняла, что своим визитом окончательно расслабила Корнилова, который теперь если и станет что-нибудь делать в этом направлении, то лишь с ее подачи. У него нет стимула, он устал от беспросветности в работе, от бумажной волокиты, которой нет конца, и от внешней бесполезности собственного существования. Все это, во всяком случае, было написано у него на лице. Ей даже захотелось сказать ему что-нибудь утешительное, чтобы поднять его дух, но она промолчала – Корнилов все-таки был мужчиной, и ему не пристало питаться сладким сиропом женской лести, так можно и оскорбить его, задеть за живое. Она ограничилась обещанием держать его в курсе расследования и, глядя ему прямо в глаза, положила на стол несколько стодолларовых купюр, которые он, также глядя ей в глаза, смахнул со стола и спрятал в один из ящичков. Затем, правда, он сделал неопределенный жест рукой: покрутил чуть заметно пальцем у своего виска, дескать, могла бы это сделать и в другом месте и при других обстоятельствах.

– Я вам позвоню, – Юля встала и решительно направилась к выходу.

* * *

Она снова поехала к Чайкину.

– Леша, ты не мог бы мне помочь вывести из гаража машину... Я, конечно, могу это сделать сама, но боюсь, что за то время, что она простояла в гараже, в ней подсел аккумулятор или еще что-нибудь вышло из строя.

Леша дружески похлопал ее по плечу и улыбнулся:

– Земцова, тоже мне, нашла крупного специалиста по ремонту автомобилей. Даже если там подсел аккумулятор, сколько времени понадобится на то, чтобы его подзарядить и все такое прочее? Ты мне лучше честно признайся, зачем пришла...

– Я и сама не знаю, у меня за последние сутки прибавилось дел, и мне действительно понадобилась моя машина. Кроме того, было бы неплохо снова обзавестись мобильником...

– Тебя наняли?

– Да. Бродягина. Я кожей чувствую, что Крымов связан с этим делом. Но оно какое-то черное изнутри, чуть ли не зловонное и совершенно непонятное. Все персонажи – темные лошадки, включая и мать убитой. А тут еще оказалось (или просто подозревается), что Марина Бродягина была любовницей отца Кирилла... Что там с его безымянным пальцем?

– Он отрублен, точнее, отрезан, насколько мне известно, вместе с золотым кольцом, которое позднее нашли в сумочке Марины.

– Корнилов сказал, что отца Кирилла зарезали охотничьим ножом, но как он узнал об этом?

– А что же ты у него не спросила?

– Да потому что у меня что-то с головой, она у меня кругом идет, я постоянно думаю о Крымове, и мне страшно, как никогда... Я понимаю, что может исчезнуть Крымов, все-таки руководитель сыскного агентства, который может быть неугоден тому же убийце Бродягиной или отца Кирилла, но чтобы одновременно исчезла и Щукина?.. Вы же с ней почти родные, ты ее отлично знаешь: скажи, разве она похожа на человека, который в состоянии почти десять дней не давать о себе никому знать?

– Нет, она бы непременно мне позвонила. Несмотря на то что она замужем за Крымовым, мы поддерживали с ней довольно теплые отношения, она даже лечила меня этой зимой от гриппа, приносила лекарства, травы какие-то, пенициллин колола...

– Какие интересные вещи ты мне рассказываешь...

– А иначе откуда бы я узнал о том, что они пропали? И Шубин нет-нет, да и звонил, не говоря уже о Крымове, у которого всегда ко мне была куча вопросов. А то, что сейчас творится с тобой, тоже вполне объяснимо. Ты хватаешься за все, что может привести к Крымову, но здесь главное – не расплескать свои мысли и чувства. Постарайся взять себя в руки. А я помогу – чем могу. Уверен, что и Корнилов поможет.

– Но сейчас мне нужно помочь довести до ума машину...

– Хорошо, скажи, когда к тебе подъехать, я сделаю, что смогу.

– У меня к тебе еще одно дело... – и Юля, набравшись духу, выдала ему истинную причину своего визита.

Глава 4

Дина Берестова вернулась с прогулки, ведя на поводках двух огромных, забрызганных грязью ротвейлеров. Привязав их поводки одним крепким узлом к ручке двери, разулась и принесла маленькое ведро с водой, чтобы обмыть своим питомцам лапы.

– Вы не собаки, а поросята, – ласково журила она их, в душе радуясь тому, что целые дни напролет проводит дома не одна, а со своими молчаливыми и всепонимающими телохранителями.

Она жила в Москве всего полгода, ее муж, депутат Игорь Николаевич Берестов, привез ее сюда лишь после того, как в их новой огромной квартире был сделан ремонт и куплена вся необходимая мебель. О такой жизни можно было лишь мечтать, и Дина, ожидая вызова в Москву и в душе гордясь успехами мужа на политическом поприще, строила на будущее лишь радужные планы. Разве могла она предположить, что своего мужа она практически не будет видеть, что единственное, что ей будет позволено, это приготовить мужу завтрак и отправить его на службу. И это все. Возвращаясь домой за полночь, смертельно уставший и какой-то больной, Игорь даже не ужинал, а принимал душ и тотчас ложился спать. Где он был весь день, чем кормили его в Думе, с кем он общался, говорил, улыбался, спорил – все это оставалось, как говорится, за кадром. Он лишь приносил деньги и постоянно, по несколько раз на день, извинялся перед молодой женой за то, что не в состоянии уделить ей необходимое внимание. Он говорил ей это утром перед уходом на работу, днем, когда звонил из своего кабинета, чтобы справиться о ее настроении, и перед сном, поздно вечером.

Дина изо всех сил делала вид, что входит в положение мужа, что она ему доверяет, и пыталась скрасить свою московскую жизнь прогулками по ухоженным центральным улицам, бульварам и площадям столицы, посещениями парикмахерского салона, хождениями по магазинам, словом, всем тем, что составляет пошловатый образ жизни состоятельной домохозяйки конца века. Обладая достаточной фантазией и понимая, какую бурную жизнь можно при желании вести в Москве, пользуясь частыми отлучками мужа, красивая молодая женщина тем не менее хранила ему верность и все ждала лучших времен...

Игорь довольно часто летал в командировку в свой родной С., где встречался с избирателями и улаживал очередные предвыборные дела. Но если раньше он стремился в депутатское кресло, то теперь его целью был кабинет Президента России. Несколько человек, обуреваемых жаждой деятельности и распираемых амбициями, вырвались из своих загонов и устремились вперед, навстречу невиданной власти и заоблачным высотам... Сложный спектакль с непредсказуемым финалом, где на кон ставились судьбы не только претендентов на президентское кресло, но и главным образом простых людей, был срежиссирован и профинансирован на российском телевидении крупнейшими магнатами и привлекал к себе внимание миллионов людей всего мира. Смертельные гонки, во время которых происходил естественный отбор самых «сильных» и «умных», захватили умы россиян, но уже очень скоро эти состязания превратились в довольно убогое зрелище, напоминающее нечистоплотные спортивные соревнования с подпиливанием брусьев, протягиванием невидимой лески и даже тщательно замаскированными убийствами...

Дина постоянно спрашивала себя, а готова ли она к роли первой леди страны, потянет ли она, скромная провинциалочка, этот ответственный груз имиджа в случае, если ее муж станет президентом, но ответа пока еще не находила. Причиной этому, возможно, было ее глубоко запрятанное несерьезное отношение к тому, чем занимался ее муж, и твердая, хотя и тщательно скрываемая убежденность в том, что Берестов выборы проиграет. Станислав Иванович Куракин, человек, по ее мнению, куда более могущественный и состоятельный, за которым стоит группа олигархов, представляющих ей гигантскими кукольниками, манипулиру-

ющими и нынешним президентом, и всем его окружением, имел куда больше шансов выиграть эту борьбу; и Игорь бы сошел с дистанции, возможно, еще месяц тому назад, если бы не одно обстоятельство, сильно повредившее Куракину накануне выборов: он оказался замешанным в скандале, связанном именно с Берестовым. Фамилия Куракина появилась почти одновременно во всех крупнейших газетах, где его представили в качестве организатора чудовищного плана, направленного на уничтожение кандидата в президенты Игоря Берестова. Люди Куракина совершенно случайно были остановлены неподалеку от дома Берестова в машине, буквально нафаршированной героином. Не желая подставлять свои головы, они признались, что действовали по указке шефа, который с их помощью собирался подкинуть Берестову через форточку три пакета с героином и какие-то «горячие» документы (исчезнувшие таинственным образом в ходе следствия). Ни сам Берестов, ни Дина так и не узнали, о каких документах шла речь. Разразился скандал, на Куракина было заведено уголовное дело, однако он так до сих пор ни в чем и не признался. Больше того, он сделал официальное заявление в прессе, что люди, которые везли героин, на самом деле собирались подставить его самого, Куракина, и действовали от имени Берестова. И началась в прессе грязная перебранка, щедро оплачиваемая невидимыми сторонниками как Берестова, так и Куракина. По мнению Дины, от всего этого выиграли лишь журналисты. Куракина, конечно же, отпустили за отсутствием доказательств, и он продолжил борьбу за президентское кресло. А вот в жизни Берестовых сегодня произошло нечто такое, о чем пока не знал даже Игорь и к чему Дина не была готова, а потому еще не придумала, как себя вести дальше.

Посмотрела на часы – шесть вечера. Она увидит мужа в лучшем случае в полночь. Может, позвонить ему и все рассказать? Но телефон наверняка прослушивается. Хотя, с другой стороны, событие, потрясшее ее в полдень, могло дать продолжение с минуты на минуту, ведь те, кто придумал все это, только и ждут удобного момента, чтобы сделать следующий ход... Да уж, ей не следовало после обнаружения этой вещицы как ни в чем не бывало идти выгуливать собак, это, безусловно, было непростительной ошибкой. Но, с другой стороны, ей требовалось время, чтобы все обдумать и принять правильное решение. Кто знает, сколько подобных недоразумений еще будет в их богатой на события жизни?!

И все же Дина позвонила.

– Игорь, это я, – произнесла она осипшим от волнения голосом и чувствуя, как покрывается испариной. – У меня высокая температура, если сможешь, приезжай немедленно...

И повесила трубку. Она знала, что если Игорь сейчас выйдет из Думы, то на машине доберется до дома примерно минут за двадцать. А за это время она должна сделать все возможное и невозможное, чтобы никого не впустить в их квартиру. Ведь люди, которые проникли в их жилище, чтобы оставить на видном месте этот предмет, явно ждут удобного случая, чтобы поймать с ним Игоря... Хотя Дина может ошибаться: а что, если этот предмет был у них давно, да только Игорь по каким-то причинам не счел нужным поставить ее в известность? Правда, верилось в это с трудом...

Все время в ожидании мужа она провела у окна и, лишь увидев въезжавшую во двор знакомую машину, облегченно вздохнула. Но дверь открыла только после того, как услышала доносящийся из домофона родной голос и позже разглядела мужа в «глазок». Ей было важно, чтобы он был один. Мало ли кто может скрываться рядом и держать его под дулом пистолета. Игорь рассказывал ей подобные истории из жизни депутатов, на что она всегда отвечала, что все они смертники и ходят под пулями, как на войне. «А это и есть война, детка...»

– Закрой дверь, – потребовала она шепотом, и только после того, как за ним были заперты обе двери, она схватила мужа за руку и потащила в гостиную. – Я нашла это на столе...

Берестов – молодой румяный мужчина в темном костюме и белой сорочке с золотистым галстуком – с ужасом смотрел на раскачивающийся в руках жены подвешенный к массивной золотой крученой цепи большой нательный крест с фигуркой распятого Христа.

- Когда и где ты это нашла, Дина? – он старался говорить чуть слышно. – Не молчи...
- Говорю же – сегодня утром вот здесь, на столе...
- У нас кто-то был?
- Нет, никого не было...
- А ты сегодня утром куда-нибудь уходила?
- Конечно! Я же гуляла с Луизой и Филиппом.
- Ты запирала на все замки?

Дина почувствовала, как щеки ее запылали: нет, она ограничилась тем, что заперла дверь всего на один замок, как обычно, когда гуляла рядом с домом.

- Ты что, не слышишь меня?
- Слышу, Игорь, я заперла на один замок, я всегда запираю на один замок, но ведь у нас внизу дежурит консьержка, она бы увидела, если бы к нам кто-то поднялся...
- Дина, нам необходимо как можно скорее избавиться от этого...
- Но это же золотой крест! И кому понадобилось подсовывать его нам?

А Берестов все смотрел на крест и не верил собственным глазам. Уже во второй раз он видел перед собой эту цепь и этот крест, но если в тот раз он быстрее сообразил, что ему надо сделать, и обратился к Крымову, чтобы тот помог ему найти человека, подкинувшего ему вещь, принадлежавшую убитому отцу Кириллу – это было еще в С., – то теперь Крымова не было. Возможно даже, его уже нет в живых по его, Игоря, вине; а он, Берестов, пока еще дышит...

– Значит, так – ни слова консьержке, поняла? Никаких вопросов! А эту штуку я сейчас спрячу так, что ни одна душа не найдет...

С этими словами Игорь подошел к окну и вышвырнул золото в форточку.

– Это же целое состояние... – Дина припала лицом к окну, силясь разглядеть с высоты второго этажа, куда упала цепь. – Там внизу кусты и трава...

– Вот пусть он и полежит там до вечера, а уж потом я найду, куда его деть... Ты хоть понимаешь, что это за штука и кому она принадлежала?

- Нет... Ты же мне ничего не рассказываешь.
- Вот и хорошо – целее будешь...

Дина заплакала. А Берестов, быстро поцеловав ее в макушку и приказав никому не открывать дверь, вернулся в машину и покатил обратно – на службу.

* * *

День как-то быстро закончился, стемнело, и, когда в кухне вспыхнул свет и запахло горячей едой, Юля поблагодарила бога за то, что он послал ей в качестве, пусть и странноватой («прибабахнутой», как выразилась она при Чайкине), компаньонки Аперманис. Во-первых, весь прошедший день Рита вела себя довольно сдержанно, не вспоминала о своих ужасах, не трепала ей нервы желтым ковром, вымазанным кровью, не совала нос в ее личные дела и расследование убийства Бродягиной, а к вечеру даже приготовила вполне сносный ужин.

– Надеюсь, ты не вычтешь с меня за тяжкий женский труд и обслуживание? – попыталась пошутить Юля, глядя, с каким проворством и ловкостью Рита раскладывает по тарелкам салат и разливает по бульонницам огненный луковый суп.

– О нет, договор наш остается в силе, а мне даже нравится готовить, так я отвлекаюсь...

За ужином какие только мысли не приходили в голову Юле, когда они беседовали с Ритой о Рижском взморье, любимых книгах, стилях живописи (Юля терпеть не могла сюрреалистическую «заумь» и предпочитала эпоху Возрождения и импрессионистов). Фразы Рита строила нелепо, но все равно мило, и Юля понимала ее с ходу. Если бы не эти болезненные проявления маниакально-депрессивного психоза, Риту можно было бы приручить и сделать своим другом...

В десять часов вечера, когда разморенные ужином и теплом «подружки» устроились перед телевизором, раздался телефонный звонок. Обе подскочили, словно ужаленные. Никто из них не решился первой взять трубку. Звонки продолжались.

– Возьми, – взмолилась Рита, которая побелела и затряслась. – Пожалуйста...

Юля взяла трубку и облегченно вздохнула, услышав знакомый голос Чайкина.

– Да, слушаю... – Леша знал номер телефона квартиры Аперманис, но звонить сюда Юля просила его лишь в крайнем случае. Несколько мгновений, которые ей потребовались на то, чтобы понять, С КЕМ она говорит, были окрашены лишь розовыми и солнечными красками надежды: ей показалось, что сейчас она услышит что-то о Крымове, что он нашелся...

Как же она была разочарована, когда услышала холодное: «Харыбин в городе. Он ищет тебя». Этого она боялась больше всего. Но зачем он прилетел сюда? Зачем она ему, раз у него есть любовница?

– Он был у тебя?

– Нет, ты что?! Просто мне кое-кто позвонил и сказал...

Юлю не интересовало, кто этот «кое-кто», скорее всего какой-нибудь следователь прокуратуры или фээсбэшник, водивший чисто профессиональную дружбу с судмедэкспертом.

– Значит, он пасет меня сейчас дома. Надеюсь, от тебя он ничего не узнает?

– Нет...

– Спасибо за информацию... – Юля не назвала его по имени, состорожничала в присутствии Аперманис. И правильно сделала, потому что стоило ей положить трубку, как та вдруг сказала, серьезно глядя ей в глаза:

– Это был он? Он спросил, дома ли я? Он взял ремни, цепи, хлысты?.. Он жаждет моей крови?

– Рита, брось... Это даже не смешно. Ну посуди сама, кому ты нужна?

– Я?.. Да мужчины без ума от меня! – И она снова привычным движением принялась оголять бедра и демонстрировать их стройность и привлекательность.

– Одерни юбку и не забывай, что я все-таки женщина, а не мужчина, а потому мне трудно понять, что такого особенного мог в тебе найти этот ненормальный...

– А... Вот видишь, ты и сама теперь уже веришь в его существование...

– Я поверю тебе лишь тогда, когда ты покажешь мне ковер, залитый кровью этого маньяка, и докажешь мне реальное существование мужа, который убил твоего мучителя. Пойми – мне потребуется время, чтобы проверить твое прошлое и настоящее, только тогда я буду отвечать за твое будущее, понятно? Кроме того, не забывай, что я могу устроить тебе экспертизу, пригласить хорошего гинеколога, хирурга, причем прямо сюда, на дом, где тебя хорошенько осмотрят, не за бесплатно, разумеется...

– Чтобы потом меня определили в психушку? Ты хочешь избавиться от меня? Вы договоритесь с этими дорогими и хитрыми врачами, они скажут, что меня никто не насиловал, после чего сообщат куда следует, и вы, поделив мои денежки, упрячете меня в палату с психами?.. – Рита говорила удивительно спокойно, как говорят перед приступами бешенства или истерии, так что Юля даже испугалась.

– Успокойся, я не приглашу врачей и все сделаю так, как ты просишь, но ты должна понять и меня: ведь если маньяк существует и его никто не убивал, а тебе эта история с убийством лишь приснилась, то как я, слабая женщина, справлюсь с ним? И не проще было бы, если бы тебя охранял мужчина? Профессиональный телохранитель?

– А где гарантия, что под форменной одеждой охранника не скрывается ОН?

Да, с Аперманис все было ясно.

– Хорошо, забудем этот разговор и давай спать.

Юля поклялась себе не произносить больше ни слова: зачем, если за каждой ее высказанной вслух мыслью пытаются найти корыстный мотив?

Когда Рита принимала ванну, Юля не вытерпела и с четверть часа простояла перед дверью с образовавшейся узкой щелью, чтобы понаблюдать за своей клиенткой: будет ли она тщательно смывать следы синяков с бедер или, наоборот, не станет ли она раскрашивать себя, «гримировать» на тот случай, если поутру ее попросят показать следы очередного насилия... Безусловно, в другое время она бы отказалась от этого позорного дела, но это в другое время... Сегодня же Юля вынуждена была взяться за любую работу, лишь бы платили...

Сквозь облака пара она видела, как Аперманис тщательно намыливает свое гибкое тонкое тело мочалкой, как трет кожу одинаково сильно везде, даже на тех местах, где должны были оставаться кровоподтеки, но когда она вышла из ванны и мгновение простояла лицом к подсматривающей за ней Юле, никаких синяков НЕ БЫЛО. Это упрощало все дело, поскольку свидетельствовало о том, что не было и никакого маньяка и что все следы издевательств и насилия были нанесены подручными средствами, вроде теней для век или грима. «Что ж, – подумала Юля, – уж теперь-то я точно буду знать, с кем имею дело, и постараюсь не привлекать Риту к расследованию, чтобы она не наломала дров, но за те деньги, которые она мне заплатила, постараюсь обеспечить ей душевный покой, даже если для этого потребуется рассказывать ей на ночь сказку...»

Спать они улеглись в одной постели, трогательно пожелав друг другу спокойной ночи. Юля взяла на себя обязанность последней гасить свет и выключать телевизор, после чего почти сразу же уснула.

А проснулась она глубокой ночью, открыла глаза и увидела, что с той стороны кровати, где лежала Рита, стоит мужчина. Затаив дыхание и стараясь не пошевелинуться, чтобы не выдать свое присутствие, Юля увидела, как мужчина осторожно откидывает одеяло с Аперманис и сильным движением хватает ее за бедра, силясь их разомкнуть, при этом что-то бормочет... А вот что было дальше, она вспоминала потом уже с трудом. Несвязное бормотание, злое и совершенно неразборчивое, которое исторгла из себя разъяренная, а вовсе не испуганная Рита, закончилось тем, что на голову неизвестно откуда взявшегося, но зато вполне реального насильника обрушилась настольная лампа...

И он исчез, вслед за этим послышались два хлопка закрываемых дверей, а позже и вовсе все стихло...

Резко сев на постели и не зная, как себя вести, Юля смотрела на Аперманис, которая продолжала лежать на постели, не подавая признаков жизни. Она тронула ее за плечо, и только после этого та поднялась и заозиралась по сторонам:

– Кто? Кто это? Юля! Включи свет...

Юля включила и была очень удивлена, когда увидела, что лампа, которая стояла на прикроватной тумбе рядом с Аперманис, находится на месте, а не лежит разбитая на полу (либо лампа оказалась неразбиваемой, либо Аперманис промахнулась и не задела ею головы ночного гостя)...

– Что случилось? – спросила уже Юля, ожидая услышать страшный рассказ о нападении Неизвестного. Но вместо этого вдруг услышала:

– Это ты меня разбудила, когда тронула за плечо. За что я тебе деньги плачу? За то, чтобы ты пугала меня во сне?

– Мне показалось...

– Что тебе показалось?

– Что в спальне кто-то есть...

– Тогда отдавай мне ровно половину гонорара, чтобы и я тебя защищала и охраняла... – сонным голосом и крайне недовольно пробурчала Рита, натягивая на себя одеяло и явно демонстрируя желание продолжить прерванный сон.

Юля встала, обошла квартиру, проверила, заперты ли все двери (оказалось, что все в полном порядке), салфеткой на всякий случай протерла пол рядом с изголовьем Аперманис

и только после этого, не переставая недоумевать по поводу ночного происшествия, с трудом заснула сама.

* * *

Конечно, случись это на самом деле, Юля бы совершенно иначе среагировала на появление в спальне незнакомца, сорвавшего с Риты одеяло и попытавшегося ее изнасиловать. Но в квартиру незаметно проник, воспользовавшись копиями ключей, которыми его снабдила Юля, не кто иной, как Леша Чайкин. Это было частью плана, который она придумала для того, чтобы собственными глазами увидеть самую что ни на есть естественную реакцию своей подопечной на появление в спальне «маньяка». Будь Рита на самом деле больна паранойей или чем-то вроде этого, разве так бы она восприняла нападение и покушение на ее женскую честь? Во-первых, она, и без того смертельно напуганная, должна была заорать на всю квартиру, растормошить Юлю и, уж конечно, осыпать ее градом упреков по поводу полного бездействия. Во-вторых, будь Рита совершенно здорова, она тем более бы не смолчала, а, вскочив на ноги, попыталась каким-то образом привлечь внимание заснувшей телохранительницы к тому, что происходит в спальне. В-третьих, независимо от ее диагноза, какой ей смысл было молчать и скрывать нападение неизвестного мужчины, тем более что в результате столкновения с «жертвой» «маньяк» (или кто бы он там ни был, пусть даже сосед, ошибшийся дверью, или вообще муж, для которого проникнуть в квартиру не составляет труда, тем более что об их действительных отношениях Юля так до сих пор ничего и не знает) пострадал – ведь на его голову обрушилась настольная лампа! Не каждая женщина в состоянии так постоять за себя, а Рита сделала вид, что ничего не было. Так же, кстати, как Юля, которая, скрывая следы пребывания Леша Чайкина, на всякий случай протерла салфеткой с пола возможные капли крови из его носа... Больше того, рано утром она тщательно протерла и все ручки двери, к которым он мог бы прикоснуться, проникая в квартиру и делая все это исключительно ради Юли...

Да, все складывалось необычно, непонятно, и с каждым днем возникало все больше и больше вопросов. Несомненным оставалось одно: Юля зачем-то нужна Аперманис, причем в качестве близкой подруги. Одна постель на двоих. А что, если это ее желание проводить ночи вместе несет сексуальную окраску, и ее план направлен на то, чтобы убедить мужа, что она «розовая»? Звучит нелепо, но у богатых людей свои причуды. Но ведь для этой цели можно было нанять любую проститутку и за гораздо меньшие деньги... Следовательно, Рите нужна именно Юля. ЗАЧЕМ?

Утром, позавтракав, Юля заявила Аперманис, что ей нужно съездить по личным делам. Не будет ли она возражать против недолгого одиночества? И снова удивление: Рита согласилась. Больше того – она вызвалась приготовить обед. История продолжалась. И ни слова о ночном визите, о разбитой голове нападавшего.

Первый визит Юля нанесла Леше Чайкину и застала его в плачевном состоянии: лоб в заплатках пластыря, нос распух, под глазом небольшая ссадина.

– Извини, – с ходу сказала Юля, выгружая из пакета бутылку водки и баночку с маринованными опятами, которые она купила по дороге. – Но я прямо не знаю, что и подумать: она мне ничего не рассказала, не подняла крик, а сделала вид, что ничего не произошло. Ты можешь себе это представить?

– Земцова, мне одной бутылки водки мало... Во-первых, твоя Рита – или как там ее – красивая баба, а я уже давно истосковался по женской ласке. Во-вторых, тебе не приходило в голову, что я в тот момент действительно напоминал сексуального маньяка?.. Ну представь: ночь, я – единственный мужчина в тихой квартире, где спят две молодые женщины, я откидываю одеяло, и что же я там вижу? Такие формы, я тебе скажу!

– Леша, так ведь была ночь, – осторожно заметила Юля.

– А лунный свет? Ты забыла, наверное, про лунный свет, который прямо сводил меня с ума...

– Что-то тебя слишком легко свести с ума... Выпей-ка лучше, успокойся. Никогда не замечала за тобой донжуанских наклонностей, подумаешь – увидел полуголую молодую женщину. Ты должен был абстрагироваться и представить себе, что это...

– ... труп, ты ведь это хотела сказать? Вы ведь все думаете, что я бесчувственный чурбан, что для меня тело – это прежде всего МЕРТВОЕ тело...

– Обиделся?

– Да вы все почему-то считаете меня за ненормального, а я вот уволюсь, устроюсь в приличную клинику, отмоюсь от этого страшного трупного запаха, и вы поймете, что Леша Чайкин – это вам не Джек-потрошитель, а нежный и страстный мужчина...

Юле было хорошо с ним балагурить, она поняла, что он уже простил ее и вместе с ней теперь тоже недоумевает по поводу столь странной реакции Аперманис на его появление в спальне, но в голову влезла, нахально отодвигая остальные мысли, неотвратимая тема возвращения в С. Харыбина. Слово «муж» с недавних пор перестало ассоциироваться у нее с Дмитрием. Харыбин и Харыбин – все. Как имя нарицательное. Как предатель, как эгоист, как... Все гадкие слова, которые имелись в ее лексиконе, были слишком мягки по отношению к нему, поправшему ее нежные чувства и надежды. Пусть даже она его не любила, но ведь и не изменяла! Кроме того, Юля считала, что уважение супругов друг к другу заключается даже не столько в том, чтобы не изменять, сколько в том, чтобы постараться сделать так, чтобы вторая половина ничего не узнала об измене. Не будь этих пятен губной помады, рыжих волос на одежде и массы других, еще более унижительных для нее как жены доказательств существования другой женщины, Харыбин, быть может, и не дождался бы того, чтобы его разоблачили, а разоблачив, бросили. Хотя если по правде сказать, то еще неизвестно, кто кого бросил первый...

Юля поговорила с Чайкиным и об этом тоже. А потом, чтобы как-то отвлечься и не думать о предстоящей встрече с Харыбиным (а она знала, что они все равно где-нибудь да встретятся, иначе это будет не Харыбин), Юля позвонила Корнилову. Он выполнил ее просьбу и выяснил, что Аперманис Маргарита Марковна действительно реально существующее лицо, что она уроженка города Риги, что ее мужа действительно зовут Антоном Владимировичем Михайловым, что в браке они состоят уже пять лет. Маргарита – домохозяйка, Антон – крупный бизнесмен, занимающийся в Риге поставками продуктов из Финляндии. Но вот каким ветром их занесло в С. и где в данное время находится Антон Михайлов – пока неизвестно. В С. официально они не зарегистрированы, следовательно, Рита просто снимает эту квартиру и на ходу придумывает какие-то небылицы про своего мужа, который якобы убил маньяка...

При таком раскладе дел самым логичным было бы съездить в Ригу и там навести справки о семье Аперманис-Михайловых, но оставлять свою клиентку без внимания даже на один день Юля не имела права – ей надо было отработать полученный аванс. Рите необходимо было, чтобы Юля была рядом, это ясно. Но вот что делать Юле с таким грузом на шее, если главной ее целью на сегодняшний день было разыскать Крымова?!

Она решила, что постарается не посвящать Риту в свои дела. Может случиться и такое, что деньги окажутся ворованными и ей, Юле, придется возвращать их тому, у кого Рита их «позаимствовала». Голова шла кругом от таких мыслей. Поэтому Юля решила полностью переключиться на другую тему.

– Скажи, ты вскрывал тело Марины Бродягиной?

– Ясное дело.

– Что ты можешь сказать о ней: образ жизни, способ отравления, где находился труп перед тем, как его обнаружили...

– Бродягина – девушка редкой красоты, вот что я тебе скажу, – Чайкин проглотил маринованный гриб и мечтательно поднял взгляд кверху. – По городу поползли слухи, что у нее была связь с отцом Кириллом, и это неудивительно. Он – мужчина в самом расцвете лет, она – просто сказка, а не девушка. Холеная, здоровая, питалась хорошо, кожа была замечательная, волосы густые, одним словом, породистая. Ручки свои не утруждала – словно в масле и меду держала, до того нежные. Что касается ее половой жизни, то и в этом плане у нее было все в ажуре – есть такие чисто физиологические детали, которые свидетельствуют о том, что женщина ведет активную сексуальную жизнь, но не растрчивает при этом свое здоровье, ты понимаешь, о чем я?

– Постоянный партнер?

– Может, и не один, но она какая-то вся обереженная, что ли... Здоровенькая и создана была для любви и деторождения.

– Была беременна?

– Нет, ничего подобного. Но устроена так, что могла бы рожать хоть каждый год.

– В каком состоянии была ее одежда?

– В нормальном. Ее никто не насиловал, не бил, не истязал, а потому одежда была вся целая, разве что в некоторых местах вымазана в бензине и грязи, думаю, что бедолагу вывезли из города в багажнике машины. На пальцах – дорогие кольца... Это не ограбление. Просто кто-то захотел избавиться от нее, вот и все. Да, она была без обуви...

– Леша, может, ты войдешь в долю, и мы с тобой на пару организуем еще одно агентство?... – невесело пошутила Юлия. – С тобой так приятно работать, да и вообще – общаться...

– Я тебе давно намекаю, что я человек приятный во всех отношениях, но ты упорно не хочешь меня замечать. Послушай, Земцова, а тебе не кажется, что мы с тобой ведем себя как идиоты?

– В смысле?

– Их нет, понимаешь? Их, возможно, нужно похоронить, и их трупы гниют где-нибудь на свалке, а мы с тобой говорим на нейтральные темы. Я перестал спать и думаю только о том, что с ними могло случиться. Пойми, Шубин не такой, чтобы молчать и не давать о себе знать, Щукина – она вообще держала меня всю жизнь на коротком поводке и частенько приходила сюда, навевалась ко мне по старой дружбе, и мы неплохо проводили с ней время. Ведь твой Крымов изменял ей...

– С кем?

– Не знаю. И она ничего не знала, но чувствовала. А еще она говорила, что он постоянно общается с Харыбиным и чуть ли не перезванивается с вами. Это правда?

– Нет, мне он не звонил... – Юлия слизнула докатившуюся до губ слезу. – Он женился на Щукиной, понимаешь? И зачем он мне после этого нужен? Любовь зла... сам знаешь... Но я сделаю все, чтобы найти его, пусть даже то, что от него осталось... Леша... – она уткнулась ему в плечо. – Что же делать?

– Ищи, кто убил Бродягину, – может, так выйдешь на след. Но то, что исчезновение Крымова никак не связано с убийством отца Кирилла, – это я могу дать голову на отсечение.

– Подожди. А что, если все обстоит гораздо проще? Чем занималось агентство чаще всего и на какие средства, по сути, существовало?

– Ты имеешь в виду слежку за неверными супругами?

– А почему бы и нет. Я бы не исключала это из поля зрения. Страсть может ослепить человека и толкнуть на убийство того, по чьей вине была раскрыта тайна. Ведь результатом разоблачения неверного супруга скорее всего будет развод, последствия которого могут сделать одного из них нищим... Да мало ли!

– Тоже верно, но раньше мне это в голову не приходило. В любом случае все бумаги агентства сгорели, а потому теперь мы вряд ли сможем установить фамилии тех, кто обра-

щался к Крымову по этим вопросам. Да я не уверен, что он фиксировал подобные обращения, если у него вообще имелись какие-либо документы, свидетельствующие о его деятельности. В последнее время он пытался распространить слух, что дела в агентстве идут из рук вон плохо и что он якобы пишет какую-то книгу...

– Леша, хватит! Я больше не могу об этом слышать. Ты произносишь «Крымов», а мне кажется, что сейчас откроется дверь и я увижу его... Он жив! Такие, как он, не исчезают просто так. Он не такой человек, чтобы его сбила машина или подстрелила шальная пуля. Он если и погиб, то только потому, что сунулся в опасное предприятие, где замешаны ну очень большие деньги...

– В жизни бывает все.

– Я могу рассчитывать на твою помощь в расследовании дела Бродягиной?

– Конечно.

– Вот и хорошо. А сейчас мне пора. Навещу еще раз Александру Ивановну и задам ей несколько вопросов...

Уже позже Юля вспомнила, что так и не поговорила с Лешей о машине.

* * *

– Почему вы не сказали мне, что ваша дочь была любовницей отца Кирилла, которого убили чуть раньше? Вы что же, думали, что такого рода информация не достигнет моих ушей или что это неважно для расследования? – обрушилась Юля на Александру Ивановну прямо с порога.

– Хотите чаю? – вместо ответа предложила та. – Не сердитесь на меня, но я же предупредила вас, что не знаю, с кем именно встречалась моя дочь. Это лишь догадки. Отец Кирилл бывал у нас, они подолгу беседовали с Мариной, но я понимала их общение как желание Мариночки очиститься от грехов...

– Вы шутите? Разве вам не известно, что фотографию обнаженной Марины нашли в доме отца Кирилла и что его жена Тамара об этом прекрасно знала...

– Это еще надо доказать. То, что такие фотографии существовали, я знала. Но не от Тамары и не от кого-нибудь постороннего, а просто знала, и все. Я наткнулась на них случайно, когда прибиралась в комнате Марины. Думаю, эти фотографии были причиной ее раздражения, когда она заставляла меня в своей комнате.

– Вы не могли бы показать мне их?

– Но зачем?

– А вы не понимаете? Вы думаете, что мне доставляет удовольствие разглядывать голых женщин? По этим фото можно определить, где именно производилась съемка – на чьей квартире...

– Понимаю... – Бродягина принесла черный пакет и высыпала оттуда снимки.

Это была коллекция, содержащая фотографии самого разного происхождения: были здесь и профессиональные, классные работы, выполненные в цвете отличной аппаратурой и на дорогой бумаге, а были и любительские, черно-белые, напоминающие дешевую порнографию. Но что бросалось в глаза – это грустное и одухотворенное лицо Марины Бродягиной, какие бы бесстыдные позы она ни принимала. Очевидно, ее красивое гибкое тело настолько привлекало внимание окружающих мужчин, что они просто считали своим долгом запечатлеть эти восхитительные формы на фотобумаге, чтобы впоследствии оставить их себе на память. Своеобразный элемент собственности, присущий всем мужчинам без исключения...

– Какое несоответствие лица и тела! – вырвалось у Юли, и ей даже стало неловко от своих слов.

– Я вот тоже думаю: зачем ей все это было нужно? С таким лицом следовало бы позировать иконописцам, а не бесстыжим фотографам-бабникам... И я не думаю, что она зарабатывала деньги, снимаясь голышом. Не те деньги, – прозвучала эта преисполненная практицизма фраза матери.

– Может, вы мне все-таки расскажете, зачем к вам приходил отец Кирилл?

– Они беседовали, – тихо ответила Бродягина, стараясь не смотреть Юле в глаза.

– А когда вас не было дома?

– Я однажды пришла – их уже не было, но когда вошла в комнату, то увидела, что постель смята, на подушке длинный черный с проседью волос, он бросился в глаза... А на столе, среди этих дурацких коробок... золотой крест... ЕГО крест, понимаете?

– Выходит, он забыл его?

– Забыл, конечно. Потому что уже на следующий день он пришел к нам вечером и крест был на нем... И тогда я догадалась, что он раздевался, а крест ему мешал. Раздевался, как же иначе... Но ведь это был человек достойный, хорошо известный не только в нашем городе. Бес его попутал...

– Не бес, а ваша дочь. И я даже не удивлюсь, если окажется, что человек, убивший отца Кирилла, убил и Марину. А причина одна – ревность. И мне кажется, что я сумею это доказать, мне бы только очертить круг ее знакомых. И начну я с фирмы, где она работала. А вы, Александра Ивановна, на будущее – не скрывайте от меня ничего, что может пригодиться в работе. Мне было неприятно узнавать о связи вашей дочери с отцом Кириллом не от вас. Мы должны помогать друг другу, не так ли? Тем более что цель у нас, по-моему, общая.

От Бродягиной Юля поехала на станцию техобслуживания – ту самую, на территории которой обнаружили тело Марины. Разыскала человека, первым увидевшего труп. Это был автослесарь по фамилии Михалев. Маленький, глазастый, в промасленном комбинезоне, он охотно отвечал на вопросы Юли, представившейся адвокатом матери потерпевшей. Будь он поумнее, он бы задал себе вопрос, а при чем здесь, собственно, адвокат, если речь идет о том, в каком именно месте лежал труп и в какое время он был обнаружен, но автослесарь дружил в основном с железками, поэтому весь выложился, чтобы поразить своим остроумием понравившуюся ему молоденькую адвокатессу. Он с подробностями рассказывал (а точнее, пересказывал, как заученную байку) о том, какого страха он натерпелся в то утро, второго марта, когда на пригорке позади гаража наткнулся на труп девушки, «хорошо и богато одетой, да к тому же еще и увешанной, как новогодняя елка, золотыми побрякушками». Михалев упивался сознанием своей честности – ведь не пропало ни одного колечка, ни одной сережечки с трупа несчастной... Больше того, рядом с телом лежала сумочка, в которой было кольцо, но только большое, мужское, и деньги...

– Много денег?

– Много, конечно, сто баксов и около тысячи рублей плюс...

– ... плюс портмоне из телячьей кожи, в котором было что?.. – Юля действовала наобум, предполагая, что у такой состоятельной дамочки, какой была Бродягина, деньги наверняка хранились в приличном кошельке, стоимость которого, возможно, превышала количество находящихся в нем денег. И если не пропали деньги (а Михалев мог просто-напросто побороться присвоить их в силу своего характера и, возможно даже, порядочности; почему бы и нет?), то уж позариться на красивую вещицу, о которой никто и никогда не вспомнит, он мог запросто – не деньги же.

– Вам и это известно? – Михалев густо покраснел. – Но ведь я отдал все деньги до копеечки, а портмоне, действительно, оставил себе... – он перешел на шепот. – Вы уж никому не говорите, а, не позорьте меня... Но денег я не брал.

– В портмоне была фотография?

– Да, была, но откуда вам это известно?

– Я бы на вашем месте не задавала подобных вопросов. Где снимок?

– С собой... Я ребятам показывал... красивая девушка... – И в руке автослесаря появилась маленькая фотография с изображением обнаженной Марины.

– Да уж, хорошая работа... – Юля и сама не без интереса рассматривала снимок, где фоном служил натянутый за спиной девушки сине-желтый павлово-посадский роскошный платок с золотистыми кистями. – Где же так хорошо снимают?

– Да я уже не первую девушку вижу на фоне этого платка, – осмелев, сообщил Михалев. – Думаю, это на проспекте Ленина в мастерской ребята работают.

– А почему именно там? Ты знаком с фотографиями?

– Да потому что, во-первых, это самая лучшая фотомастерская, а во-вторых, платки эти дорогие, а у них через стенку магазин «Сувениры», где вся витрина этими платками увешана...

– Резонно. Так где портмоне?

– Жене отдал.

– Понятно. А что вы, Михалев, собственно, делали за гаражом в столь ранний час? Может, это вы девушку и... того...

Но автослесарь не оценил ее черный юмор. Перепуганный насмерть, он поклялся вернуть в милицию портмоне и во всем сознаться. Однако разговор закончился самым неожиданным образом: за Юлино молчание Михалев взялся привести ее машину в порядок, причем до завтрашнего утра, к тому же работать обещал для удобства хозяйки прямо в ее гараже, куда он сам же с ней и отправился на такси, прихватив все необходимые инструменты.

– Так что вы делали за гаражом? – повторила она свой вопрос уже в машине. – Да еще и в такой ранний час?

Он ответил ей на ухо.

«Так я и думала...»

* * *

Доверив Михалеву свою машину, Юля позвонила Чайкину и успокоила его, сказав, что нашла слесаря, а он может и дальше потрошить трупы.

– Вот как приведет в порядок, так сразу же и поеду в коттедж к Крымову, – сказала она скорее даже для себя, чем для Чайкина.

– Меня с собой возьмешь?

– Если у тебя найдется свободная минутка.

– А сейчас куда?

– Надо заняться телефоном, мне без мобильного не справиться. Пусть это займет какое-то время, но мне будет проще... Сейчас заеду на станцию, оформлю документы, а пока они будут трудиться в этом направлении, навещу одну фирмочку, где работала Бродягина.

Фирма «Фарма-Инвест» располагалась неподалеку от цирка, в центре города, и представляла собой большой офис в отреставрированном старинном особнячке, напоминавшем внешним видом – башенками, купеческими архитектурными излишествами, припахивающими безвкусицей, – шоколадный торт.

Ее остановили уже на крыльце. Бритоголовое животное, запакованное в камуфляжную форму, прорычало что-то о пропуске. Разозлившись на весь мир за то, что город наводнили такие мордовороты, Юля вдруг поняла, что за эти пару дней в своем родном городе стала как будто сильнее.

– Я адвокат Земцова, занимаюсь расследованием убийства вашей бывшей сотрудницы Марины Бродягиной, – она сунула под нос зеленому чудовищу с низким лбом и маленькими глазками свое адвокатское удостоверение (показывать удостоверение частного детектива крымского агентства она не рискнула, поскольку самого агентства как будто не существовало) и

едва не обозвала его так и рвавшимся наружу грязным и унижительным словом – настолько он был ей неприятен.

Охранник, продолжением руки которого оказался телефон, позвонил и доложил своему шефу о визите адвоката, после чего Юлия беспрепятственно прошла внутрь здания и оказалась в тихом, заставленном кадками с тропическими растениями просторном холле с дверями, на которых сверкали новенькие таблички с золотыми буквами «Приемная», «Заместитель генерального директора»...

В приемной за столом сидела девочка-секретарша – хрупкое создание с хорошими внешними данными, тянущими на «Мисс Губернию», и приветливым милым личиком. Узнав, кто перед ней, Лариса, так звали секретаршу, даже встала, чтобы встретить адвоката, занимающегося «расследованием убийства Марины».

Мало кто знает, что адвокаты в нашей стране не занимаются расследованием убийств, нет у них на это прав и соответствующих разрешений, с помощью которых они могли бы проникать туда, куда позволено входить следователям прокуратуры, оперуполномоченным уголовного розыска или даже обычным милиционерам. Лишенные права действовать в полной мере в интересах своих клиентов, адвокаты ограничиваются лишь изучением дела (документы даются им для работы строго в отведенных для этого местах и лишь в присутствии представителя правоохранительных органов, чтобы адвокат мог сделать необходимые ему выписки), на основании которого и строят впоследствии свою защиту.

– Лариса, я понимаю, что у вас уже были представители прокуратуры, люди из уголовного розыска...

– Да, это правда, были, все расспрашивали, но ведь убийцу так и не нашли?

– Не нашли. Вы не могли бы мне ответить на несколько вопросов, даже если они покажутся вам странными?..

– Не знаю... Смотря о чем вы хотите со мной поговорить, – вышколенная секретарша, видимо, очень боялась потерять свое место, если говорила с такой осторожностью.

– Чем занимается ваша фирма?

– Лекарствами.

– Ваш шеф молод?

– Андрей Викторович – молодой мужчина, ему примерно тридцать пять лет.

– Марина Бродягина работала переводчицей в вашей фирме. Скажите, а что она переводила?

Последовала пауза. Лариса оглянулась, словно проверяя, не подслушивают ли ее, после чего тихо ответила:

– Да ничего она не переводила. И очень странно, что меня об этом никто из приходивших сюда по ее душу людей не спрашивал...

– А чем же она здесь занималась?

– Ничем. Она вообще бывала здесь крайне редко. Иностранцев делегаций у нас здесь отродясь не было, поэтому переводчицей ей здесь поработать все равно бы не пришлось, а что касается инструкций к лекарственным препаратам, так они все шли уже с готовым переводом на русский...

– Она была любовницей Андрея Викторовича?

– Все предполагают это, но никто ничего не знает конкретно. Она даже за зарплатой не приходила, хотя в штате числилась.

– Вы не могли бы описать хотя бы один день, когда она появлялась здесь. Что она делала, с кем общалась, о чем говорила?..

– Ни с кем не общалась, заходила лишь к Андрею Викторовичу, но они никогда не запирались, если вы это имеете в виду... Я сколько раз приходила к нему, приносила документы

на подпись; войду: они сидят друг напротив друга и о чем-то тихо беседуют. Иногда она приходила с одним человеком, очень важным господином – Берестовым Игорем Николаевичем.

– Депутатом?..

– Да, он теперь в Думе, в Москве, но когда приезжает в С., всегда навещает нашего Андрея Викторовича.

– А какие у вас отношения были с Мариной Бродягиной? Что вы вообще можете рассказать о ней как о человеке?

– Она раздражала меня. Всем. Прежде всего своей высокомерностью и манерами, унижающими человека. Ко мне лично она относилась хуже, чем к уборщице...

– В чем это выражалось?

– Да один ее взгляд чего стоил! Когда она приходила, в офисе сразу же начинало пахнуть ее духами, все мужчины слетались на этот запах, никто не мог пройти мимо нее и остаться равнодушным, но вот чтобы ей кто-нибудь нравился – такого я не замечала, и думаю, что с Андреем Викторовичем у нее были просто деловые отношения, не больше.

– Откуда такая уверенность?

– Он сам мне об этом говорил, – Лариса покраснела и страшно смутилась своих же слов.

– У вас с ним... близкие отношения?

– А разве это имеет какое-то значение? Тем более что мы это почти и не скрываем, ведь я родила ему сына, мальчику уже два года... – это прозвучало как вызов.

– У вас сын? Вы так молодо выглядите... Честно признаться, я удивлена. Можно себе только представить, как вы ревновали его к Бродягиной... – Юле, для которой чувство ревности было сродни болезни, омрачившей всю ее жизнь, вдруг стало жаль эту совсем еще юную, но уже успевшую стать матерью секретаршу Ларису – любовницу своего шефа. Безусловно, такая беспринципная и этим опасная женщина, как Марина, не могла не вызвать в Ларисе острое чувство ненависти.

– А вы-то сами видели ее?

– Только на фотографиях...

– Вы бы увидели ее живую, яркую, красивую, надменную, знающую себе цену... Когда она приходила, мне казалось, что моя кожа тотчас покрывается струпьями, а тело перестает подчиняться мне. На ее фоне я превращалась в болезненно закомплексованную уродину и даже к Андрею в кабинет старалась входить лишь в случае крайней необходимости. Я, конечно же, боялась войти и увидеть нечто такое, чего мне не положено было видеть. Но они не запирались, а потому поводов для каких-то там разборок или вопросов у меня как будто бы не было, вы меня понимаете?

– Лариса, но вы должны же были хотя бы догадываться, что связывает Бродягину и вашего Андрея, кстати, как его фамилия?..

– Шалый.

– Шалый и Бродягина. Хорошая парочка.

– Не знаю, Андрей говорил, что она, то есть Марина, – подруга Берестова, но у Берестова молодая красивая жена, поэтому я ему не верила... Хотя, с другой стороны, разве можно понять мужчин?

Больше ничего существенного о Марине Лариса не рассказала. Выходило, что у Бродягиной с Шалым были какие-то дела, которые они время от времени обсуждали и которые могли иметь отношение к Берестову. В Москве он мог представлять интересы Шалого на более высоком уровне, помогая ему решать проблемы с налогами или же просто находить ему выгодные контракты с зарубежными партнерами и иметь от него за это реальные деньги. Но при чем здесь была Марина? Берестов – человек состоятельный и, безусловно, влиятельный, мог бы и сам содержать свою подружку Бродягину (если она таковой являлась), зачем ему было делать

это с помощью Шалого? Значит, здесь дело в другом. Но в чем? И что надо было двум преуспевающим молодым людям от одной молодой и красивой женщины?

– Скажите, Лариса, а Шалый не мог использовать Марину в качестве девушки для обслуживания важных приезжих партнеров?

– Да наши партнеры и так были счастливы, что мы покупали у них оптом товар, у нас с этим вообще никогда не было никаких проблем. Вы же знаете, сейчас на каждом шагу аптеки, а люди все болеют... Это общая схема, как вы понимаете.

– Но Марину кто-то убил, ее отравили, и Александра Ивановна Бродягина, ее мать, попросила меня подключиться к расследованию. Давайте поступим следующим образом: я оставляю вам свои номера телефонов, и вы, если что-нибудь вспомните про Марину, позвоните мне...

– Да проститутка эта Марина, и все тут! – с чувством выпалила Лариса и быстрым шагом прошла к окну. – Я не знаю, какие отношения у нее были с Андреем или Берестовым, но она по уши в дерьме... У нас по фирме ходили фотографии, где она снята в таких позах, что не приведи боже... Она шла по жизни, как танк, и ей было глубоко плевать, кто и что о ней подумает. Главным для нее были деньги. Но вот за что ей платили и кто именно, я не знаю.

– А с чего вы взяли, что у нее было много денег?

– Я же не слепая! Золото, бриллианты, меха... На ее фоне я – официальная любовница Шалого – выглядела просто серой молюю... Конечно, ужасно, что я вам все это рассказала, получается, что я раскрылась перед первым встречным, но вы расспрашивали меня про Марину, а я ее ненавидела, и это чистая правда... Но я ее не убивала, хотя, когда узнала, что ее отравили, не удивилась. Сколько веревочке ни виться...

– А почему вы на работе, если вашему сынишке всего два года?

– А я прихожу только на полдня, у меня няня... Я не хочу сидеть дома и толстеть, как все мои подружки...

...Юля вышла из этой чистенькой аптекарской фирмы в плохом настроении: интуиция подсказывала ей, что Крымов к убийству этой шлюхи Бродягиной не имел никакого отношения. Уверенности в себе после разговора с Ларисой у Юли сильно поубавилось. И как же могло быть иначе, если она была совсем одна со своим расследованием? Не было Нади Щукиной, которая помогла бы ей с результатами экспертизы, не было шустрого и ответственного Шубина, с которым можно было пролезть в любую квартиру, и не было человека, перед которым хотелось блеснуть своими способностями, выложиться на все сто и принести ему на ладонях, как распутившийся цветок, раскрытое убийство.

Юля гнала от себя прочь мысли о Крымове – в его загородный коттедж она поедет лишь завтра, когда будет на ходу ее машина, которая прибавит ей свободы перемещения в пространстве. Завтра же у нее будет и телефон, который ей так необходим для страховки, чтобы в любую минуту связаться с Чайкиным или Корниловым. А сегодня ей предстоят хлопоты, связанные как раз с гаражом и машиной, телефонной станцией, и, наконец, пора проведать Аперманис. А что, если ее уже кто-нибудь изнасиловал?..

Она позвонила из ближайшего телефона-автомата:

– Рита, ты жива?

– Ну наконец-то! Конечно, жива! У меня уже все остыло... Я понимаю, что ты у нас вся такая занятая, но приезжай, мне здесь так скучно...

«Господи, каких только идиотов не бывает на свете», – с горечью подумала Юля и от сознания того, ЧЕМ и КЕМ ей приходится заниматься, чтобы заработать деньги, заплакала.

Глава 5

Ее так и подмывало заехать к себе домой, чтобы, столкнувшись там с Харыбиным или его людьми, как можно скорее с ним объясниться, высказать все, что она думает по поводу его измен и причины ее бегства из Москвы, но в последнюю минуту, сочтя все это унижительным и в эмоциональном плане чуть ли не смертельным, передумала и поехала к Аперманис.

Но уже там, сидя за столом напротив Риты и поглощая приготовленный ею обед, Юля почувствовала себя еще хуже. Одиночество, казалось, захлестнуло ее с головой, и в горле постоянно стояли слезы. Понимая, что надо что-то делать с собой, каким-то образом убедить себя в том, что жизнь продолжается и ей еще понадобятся силы для спасения Крымова (а она была уверена, что он в беде), она с трудом заставила себя проглотить котлету, после чего, слушая незатейливые бытовые фразочки своей визави, вдруг спросила, глядя ей прямо в лицо:

– Зачем ты рисовала свои синяки и ссадины? Ты же мне все наврала. Зачем это тебе? Зачем я вообще тебе нужна? И откуда ты узнала о моем существовании? С какой стати ты платишь мне бешеные деньги, кормишь меня обедами, спишь со мной в одной постели и рассказываешь мне небылицы о маньяке? О желтом ковре? Где он, твой желтый ковер, вымазанный в крови? Где твой муж, убивший этого маньяка, который ожил и теперь приходит к тебе по ночам? Может быть, ты расскажешь мне правду?

– Синяки прошли, а ковер я могу тебе показать хоть сейчас... Он внизу, в подвале, там такой небольшой деревянный подвальчик с пустыми банками и мышеловками, и вот там лежит этот желтый ковер..

– В подвале? Так пойдем посмотрим... Ты мне покажешь ковер? Что ты так на меня смотришь?

– Не кричи на меня. Я не уверена, что готова к тому, чтобы его показать.

Юля махнула рукой: все было бесполезно. Должно пройти время, чтобы Рита рассказала ей всю правду. А пока, очевидно, она еще не созрела для этого. Ну и пусть.

Но Юля не могла расслабиться и постоянно находилась в нервном напряжении, ожидая какого-нибудь подвоха. Внешне Рита выглядела вполне нормальной и здоровой. А когда Юля на время забывала, что Рита ей не приятельница, а сумасшедшая клиентка, то с ней и вовсе было приятно общаться.

– Ты замужем? – спросила Аперманис, когда они вместе мыли посуду и убрали в кухне.

– Замужем.

– Странно. Мы обе замужем, а мужей рядом нет.

– Мой муж сейчас разыскивает меня по всему городу – я сбежала от него, поэтому даже рада, что пока живу здесь с тобой...

– Вот это да! А почему же ты с ним не встретишься?

– Потому что он убил моего любовника, зарезал ножом, а потом завернул в желтый ковер и спустил в подвал с мышеловками и пустыми банками...

Аперманис уронила чашку – та разбилась. Казалось, разбились и их зарождавшиеся отношения, какие только могли возникнуть у двух одиноких, брошенных и находящихся на грани нервного срыва женщин...

– Зачем ты так?

– Извини.

Вечером они смотрели телевизор, Рита рассказывала Юле о Риге, о том, как скучает она о своем городе, затем вскользь упомянула о переезде в С. («он, то есть муж, приехал сюда по своим делам, и я попросилась вместе с ним, потому что не могу находиться одна»), из чего выходило, что ее муж, Антон Михайлов, на самом деле никакой не местный бизнесмен, а приезжий. Хотя бы в этом она не лгала.

– Скажи, а может, тебе просто-напросто нужно, чтобы я как частный детектив проследила за твоим мужем?

– Если бы я смогла ответить себе на вопрос, что мне нужно, я скорее всего была бы сейчас с Антоном и жила бы себе в Риге, у нас там прекрасный дом, там столько цветов, у нас был даже садовник...

Нет, с ней положительно невозможно разговаривать. Хотя слушать звук ее нежного голоса и ее замечательный прибалтийский акцент было приятно.

– Как ты думаешь, за что могли убить молодую красивую девушку? – спросила Юля просто так, чтобы чем-то заполнить время, а заодно в очередной раз проверить, помнит ли Рита об их совместном визите к Александре Ивановне.

– Это ты о Бродягиной?

– Совершенно верно.

– Это из-за сильного чувства: ревности, мести или страха... Я думаю так. Хотя, может, еще и из-за денег.

Ответ вполне адекватный, однако интерес к разговору у Юли моментально пропал. «Вот был бы здесь Шубин, – подумала она, – мы бы обязательно что-нибудь придумали, куда-нибудь съездили, нашли бы улику, свидетеля, мотив...» Но нет, она была одна.

Когда Рита уснула, Юля вышла из спальни в прихожую, устроилась у телефона и набрала номер городской квартиры Крымова.

– Женя, – позвала она в мертвую, заполненную длинными гудками трубку. – Где ты, ну возьми, возьми трубку...

Но трубку так никто и не взял, и тогда она позвонила ему в коттедж. После нескольких длинных гудков, когда она собиралась уже положить трубку, послышался характерный щелчок, и мужской голос спросил:

– Кто это?

– Это ты? – Юля, боясь лишиться рассудка, слушала голос Крымова и не верила своим ушам. – Не молчи, ответь мне: это ты?

– Я. И я знал, что ты позвонишь сюда рано или поздно... – голос Крымова плавно трансформировался в голос Харыбина, отчего спина у Юли покрылась мурашками. – Больше того, я ждал тебя сегодня здесь весь день. Куда ты делась? Откуда звонишь? Что я тебе такого сделал, что ты от меня сбежала? Разве так можно?

Голос его звучал встревоженно и вместе с тем грозно, словно это не он виноват был в том, что случилось, а она. Старый как мир способ защиты – нападение – не должен был сработать на этот раз, и она швырнула трубку. Ну вот и все – одним осложнением больше. Понимая, что в крымском доме полно телефонов и один наверняка с определителем номера, она не удивилась, когда словно в ответ тут же раздался телефонный звонок, – Харыбин не собирался отступать, и, чтобы не разбудить Риту, сняла трубку:

– Харыбин, не звони сюда, я здесь по желанию клиентки и при случае все объясню. Но только не сейчас...

– Это Леша Чайкин, – услышала она и затаила дыхание. – Ты меня слышишь, Земцова?

– Леша? Господи, извини, пожалуйста, просто я только что разговаривала с Харыбиным, он, оказывается, пытался поймать меня в крымском доме. Ты звонишь, значит, что-нибудь случилось?

– Да. Крепись, Земцова: нашли машину. Сгоревшую в овраге. Корнилов считает, что это крымская машина...

– Нет!

– Тела в ней не обнаружено. Может, это и не его машина – она без номеров. Должно пройти какое-то время, чтобы эксперты определили, кому она принадлежала... Но ты не плачь,

говорю же – в машине никого не было. Ты извини, что я тебе все это выдал на сон грядущий... Спи. Все будет хорошо. Целую...

Послышался шорох – Юля обернулась и увидела стоящую в дверях Аперманис.

– Мне страшно, – сказала она жалобно, трясаясь всем телом и глядя куда-то мимо Юли, в пространство. – Я проснулась, а тебя нет рядом...

– Все, я иду, просто надо было позвонить... Ничего не бойся – я с тобой.

* * *

Следующее утро Юля встретила уже в своей машине и с мобильным телефоном в кармане – светило солнце, город купался в теплых весенних лучах, обещая перемены к лучшему. Иначе не стоило жить.

Первое, что Юля сделала, поблагодарив Михалева за то, что он реанимировал ее потрепанный «Форд», это заехала сначала на телефонную станцию, а уже оттуда к Корнилову – услышать правду о крымской машине.

– Это его машина, точно, я сегодня звонил, справлялся. – Корнилов выглядел осунувшимся и похудевшим, словно и правда был расстроен этой новостью. Но Юля ему почему-то не верила.

– То, что это его машина, еще ни о чем не говорит: ведь его самого-то там нет... А вещи? Там сохранились какие-нибудь вещи?

– В багажнике обнаружены обгоревшие дамские туфли тридцать шестого размера, эксперты сейчас пытаются определить, кому они могли принадлежать...

Юля вспомнила слова Чайкина о том, что Марину Бродягину доставили в морг без обуви, и ей стало дурно от нехороших предчувствий: вот и первая деталь, которая может свидетельствовать о связи Крымова с убийством Бродягиной. Только таких улик им еще и не хватало!

Распахнулась дверь, и на пороге корниловского кабинета появился Харыбин.

– Дима?! Вот так сюрприз! – приторно-подобострастным тоном приветствовал Виктор Львович Харыбина, из чего Юля тут же сделала вывод, что не так уж мало общих дел связывает склонного к разного рода компромиссам следователя прокуратуры и матерого фээсбэшника.

Устраивать сцену в присутствии чужого человека Юля не собиралась: в сущности, она этого и хотела – как можно скорее встретиться с Дмитрием и поговорить. А тут на ловца и зверь прибежал. Да еще какой: волчище!

– Я, собственно, за тобой, дорогая, – Харыбин крепко схватил ее за руку. – Вы уж извините, Виктор Львович, но у нас тут, знаете ли, дела семейные... Похоже, госпожа Земцова собирается заняться расследованием дела, связанного с исчезновением Крымова и его компании.

– Дима... – покраснела Юля, меньше всего ожидавшая от мужа подобной открытости перед Корниловым.

– А как я еще должен реагировать на то, что ты каждую минуту подвергаешь свою жизнь опасности? Агентство Крымова спалили какие-то сволочи... Сам Женька исчез, причем вместе с женой, пропал и Шубин, а ты ходишь без оружия, ночуешь у каких-то подозрительных «клиентов»... Виктор Львович – свой человек. Тебе что, нужны деньги?

Юля поняла, что никогда не простит ему этого. С совершенно белым непроницаемым лицом она вышла из кабинета в сопровождении Харыбина и, лишь оказавшись уже в коридоре и даже не сочтя нужным попрощаться с Корниловым, развернулась и с размаху влепила Дмитрию пощечину. Затем еще одну – наотмашь, от души.

– Значит, так, – сказал кто-то внутри ее твердым, но тихим голосом, чтобы не привлекать внимания окружающих, – брак ли, развод – для меня это не имеет теперь принципиального значения. Ты, Харыбин, изменял мне, спал с другими женщинами там, в своей Москве, где у

тебя было слишком много важных дел, а потому я ухожу от тебя. И странно, что ты этого еще не понял. Сказанное мною не обсуждается. За мной не ходить, не преследовать, шпионов не подсылать. Да, я буду искать Крымова, буду работать на сомнительных клиентов, только бы не зависеть от тебя материально. И вообще буду себя вести так, как мне подсказывают мои чувства. А за то, что ты в присутствии Корнилова трепался относительно денег, – на тебе, получай еще... – и она с наслаждением еще раз отхлыстала Харибина по щекам. После чего развернулась и стремительно вышла из здания прокуратуры; села в машину и покатила на проспект Ленина – присмотреть себе в подарок за смелость дорогой павлово-посадский сине-желтый, с золотыми кистями платок...

* * *

Рассматривая через прозрачную витрину магазина «Сувениры» роскошные платки, Юля старалась дышать полной грудью, наслаждаясь внезапно обрушившейся на нее свободой. Ей было теперь все равно, станет ли ее преследовать Харибин и дальше или нет. Главное, она сказала ему то, что хотела. Остальное было уже делом времени.

Немного успокоившись, она вошла в соседнюю дверь, принадлежащую фотоателье, и для начала осмотрелась, пытаясь понять, где же и кто здесь занимается фотографированием обнаженных девушек. Понятное дело, что работа такого рода закипает здесь после официального закрытия салона – иначе и быть не может.

– Вы сфотографироваться? – услышала она за спиной голос и обернулась.

Высокий уса́тый молодой человек, напоминающий своей изящной внешностью романтических героев Шарля Нодье, улыбнулся ей, и вдруг что-то внутри ее встрепенулось – так он был хорош, привлекателен и одновременно мужествен. Реальность и пошловатые декорации (красные портьеры, обшарпанная конторка и мутное зеркало на темно-синих стенах) вернули ее в действительность и охладили готовую закипеть кровь.

– Да, я бы хотела сфотографироваться, но только не на паспорт, а в обнаженном виде.

– Мы не можем предоставить вам таких услуг, – не переставая лучезарно улыбаться, сказал фотограф. – Но я знаю человека, который мог бы вам это устроить...

– Дело в том, что я пришла к вам с улицы, а потому не могу быть уверена в том, что пленка окажется в единственном экземпляре и что ваш приятель не сможет использовать ее в своих целях...

– Тогда давайте фотографироваться на паспорт, – улыбка по-прежнему освещала его красивое лицо.

– По-моему, вам грех прятаться в этой богадельне, – вдруг сказала Юля, имея в виду, что такую красоту нужно показывать людям, а не скрывать, согнувшись в позе Квазимодо, под черной таинственной тряпкой фотоаппарата. – Что вы так на меня смотрите: разве вам никто не говорил о том, что вы красивы?

– Да знаете ли, как-то неожиданно слышать комплимент от женщины.

– А вы послушайте. Мне в последнее время хочется всем говорить то, что я думаю. Как вы считаете, это глупо?

– Пройдите ко мне, поговорим... – фотограф жестом пригласил Юлю войти в комнату, ярко освещенную софитами, в центре которой красовался старинный арабский стул, а по углам разместились огромные плюшевые игрушки, надувной, гигантских размеров телефон и прочие необходимые атрибуты поточной фотографии вроде гипсовых дореволюционных колонн, шелковых с кистями абажуров и букетов искусственных цветов.

Юля села на стул и, зажмурившись от внезапно направленного на нее снопа яркого света, спросила:

– Это вы фотографировали Марину Бродягину?

Но вместо ответа фотограф вдруг предложил Юле выпить. Пока он отсутствовал, позвонил телефон. Юля взяла трубку. «Паша, это ты?» – спросил женский голос. Юля не могла отказать себе в удовольствии спросить: кто это? И трубку сразу положили.

– Кто это? – крикнул фотограф.

– Так, ошиблись номером! Я не ослышалась? Вы собираетесь со мной выпить? Но я не пью!

– Нет, давайте опрокинем по маленькой, помянем Маришку...

Он вынес из темной каморки две наполненные рюмки с водкой, затем – разрезанное напополам большое красное яблоко. Юля сделала вид, что выпила, он заметил это, но ничего не сказал, зато позже, после того как ритуал был завершен, произнес на выдохе, словно то, о чем он говорил, было само собой разумеющимся и только невежа мог бы подвергнуть этот факт сомнению:

– Разумеется, ее фотографировал я. Вы, очевидно, не здешняя или никогда не интересовались фотографией, раз вам ни о чем не говорит моя фамилия: позвольте представиться – Аркадий Португалов, – и он по-киношному галантно поцеловал ей руку. – Прошу любить и жаловать.

«Значит, звонили не ему, – мелькнуло в голове у Юли. – Спрашивали же какого-то Пашу...»

– Вы такой смешной и какой-то ненатуральный.

– А что вокруг не смешно и натурально?

– Все. Натуральны обнаженные тела девушек, которые вы снимаете, не смешно, что убили одну из самых сексуальных ваших натурщиц...

– Вы из милиции? – Улыбка наконец-то сошла с его лица, и оно приняло озабоченное выражение.

– Нет, я никакого отношения к милиции не имею и занимаюсь расследованием убийства Марины частным образом на правах друга семьи.

– Понятно. Но я вам ничем помочь не могу. Марина была как запертая на крепкий замок шкатулка. Красивая, дорогая, а вот что там внутри и соответствует ли содержимое самой шкатулке – этого, пожалуй, никто не знал. Я лишь подозревал, что интеллект у нее на уровне табуретки (вы извините, что я так о ней говорю, ведь о покойниках принято говорить лишь хорошее), но этот факт, как вы и сами уже знаете, не помешал ей жить в свое удовольствие...

– Что вы имеете в виду?

– А то, что у Мариши всегда были деньги, которые она тратила с особым шиком, причем чувствовалось, что тратит она не последние...

– Так говорят только завистники.

– Мне было непонятно, зачем она приходила ко мне и снималась за копейки, если подобные ей девицы – и я не скрываю этого – жили на те деньги, которые зарабатывали у меня натурщицами. Понимаете, жили! Существовали!

– Другими словами, она попросту отнимала хлеб у девушек-натурщиц и делала это не из-за денег.

– Совершенно верно.

– Но зачем ей было так поступать?

– Вполне вероятно, что люди, для которых я фотографировал девушек, потом использовали эти снимки для других целей...

– Предлагали этих девушек мужчинам?

– А почему бы и нет? Но я, заметьте, к этому бизнесу не имею никакого отношения. Я художник...

– Так и знала, что вы произнесете эту фразу! Думаю, что и Марина таким образом выставилась на продажу...

– Возможно. Но опять же повторюсь – ей не нужны были деньги, и проституцией – давайте называть вещи своими именами! – столько денег, сколько было у нее, не заработаешь.

– Но откуда вы могли знать, сколько у нее было денег?

– У меня глаз наметанный... Одни духи, которыми она душилась, сколько стоили!..

– Послушайте, господин Португалов, прекратите, надеюсь, вы сами-то зарабатываете достаточно, чтобы не завидовать своим натурщицам?

– Обижаете... Я никому не завидую... Да и вообще, неприлично спрашивать, сколько зарабатывает человек, к тому же еще и мужчина.

– Однако вы-то любите считать чужие деньги.

Понимая, что она зашла уже слишком далеко и что если и дальше не прекратит дерзить, то пользы от разговора не будет, Юля вдруг предложила фотографу вполне конкретную сделку.

– Господин Португалов, – произнесла она четко и громко. – Сто долларов за фамилии и адреса тех, кто покупает у вас новые снимки. Вы понимаете, что я имею в виду? Именно **НОВЫЕ**.

– Во-первых, я не беру деньги с женщин, а предпочитаю делать им подарки сам, во-вторых, вы сможете сами выйти на них, стоит вам только раздеться и довериться мне...

– Вы предлагаете мне...

– Да, я предлагаю вам сняться для моего нового альбома. Уже через пару дней прекрасно сработанные фотографии увидят те, кто вас интересуется, и эти люди сами найдут вас.

– А что будете иметь от этого вы? Какой вам-то в этом смысл? – Юля задала этот вопрос просто так, чтобы послушать, с какой интонацией ей ответят. И тут же услышала ожидаемое.

– Хорошие проценты. Но деньги я получу от мужчины, улавливаете разницу?

Впервые ей встретился человек, отказавшийся принять от нее деньги.

– Вы динозавр. Нет, мастодонт. Или вовсе археоптерикс... Словом, вымершее существо... Что ж, я согласна. Надеюсь, что люди, на которых вы работаете, приличные и не причинят мне вреда?

– Судя по тому, как устроились мои натурщицы, проблем с клиентами у них нет. Насколько я понял, к услугам этих девушек прибегает узкий круг мужчин, причем состоятельных...

– Они не извращенцы?

– Сударыня, вы задаете мне нескромные вопросы. Откуда же я могу знать, что в вашем представлении является извращением, а что нет?

И она снова, как в приемной Шалого, почувствовала физическое течение времени: словно быстрый прозрачный поток захлестнул ее вместе с картинкой реальной жизни и наслонившимся на нее звуковым фоном... Явно, время расходовалось вхолостую. Слишком много слов и мало действий. А ведь те, ради которых она сейчас готова была поступиться своими принципами, возможно, ждали ее помощи. Затуманенные образы, родные лица проплывали перед глазами Юли в радужном спектре нацеленных на нее софитов: Женя Крымов, Игорь Шубин, Щукина, будь она неладна...

...Она вышла из фотоателье с ощущением того, что совершила нечто гадкое, отвратительное и противоестественное. Словно переспала с этим сексуально-приторным Португаловым. А ведь ничего не было, кроме яркого света, вспышек и стыда...

Номера телефонов Риты Аперманис да ее собственного мобильного – вот координаты, по которым ее теперь разыщут похотливые твари, которых она заранее ненавидела.

Имея самое смутное представление о том, каким образом совершается связь между Португаловым и потенциальными клиентами (а то и вовсе сутенерами, для которых каждое свежее личико и стройное девичье тело – источник дохода), она тем не менее предчувствовала что-то нехорошее и опасное, шлейф которого будет тянуться теперь за ней именно с сегодняшнего

дня – дня, когда она переступила порог фотоателье. Подобные визиты, как правило, не проходят бесследно для женщин.

Она села в машину и поехала в лес, к Крымову.

* * *

Для Берестова все это началось в тот день, когда по телевизору в вечерних новостях он услышал об убийстве отца Кирилла, известного правозащитника, своими открытыми выступлениями воздействующего на толпу нищих и безработных как потенциальный лидер не образованного еще пока официально и нигде не зарегистрированного, но уже существующего в умах и сердцах радикального политического движения, способного повлиять на ход событий чуть ли не во всей стране. Едва ли его речи можно было назвать проповедями – они были так понятны и доступны каждому и одновременно несли в себе такой интеллектуальный потенциал, что воспринимались как беспримесные, действенные программы экономического, политического и, соответственно, идейного преобразования государства в целом. Существующие программы других партий и движений, которые напоминали слегка измененные для приличия ксерокопии одной глобальной универсальной программы реформ (разработчиками которой являлись зомбированные нынешней властью экономисты и политологи, если не филологи средней руки), сильно проигрывали на фоне конкретного и подробного плана столь неординарного и одаренного человека, выходца из народа, умеющего говорить с ним на одном языке, каким являлся отец Кирилл. Поэтому и Берестов, и ему подобные не раз задавали себе вопрос: а не боится ли новоиспеченный мессия пули? Ведь кинь он клич – и вокруг него соберется народ и пойдет за ним, а кто же допустит?

Поэтому, когда Игорь узнал о смерти священника, он одновременно был и потрясен, и, как ни странно, словно и не удивился тому, что его убрали. Разумеется, это было убийство, но грубо и непрофессионально сработанное. Он еще был в состоянии доползти до дома и, если бы не потерял так много крови к тому моменту, как его увидела жена, остался бы жив.

Однако самым интересным в истории с отцом Кириллом было то, что мало кто знал, откуда он родом, где получил образование, где обучался философии и в чем черпал столько внутренней силы. Он никогда не давал интервью журналистской братии, предпочитая полноценные выступления при большом скоплении народа, однако ничего не имел против опубликования своих речей в средствах массовой информации (что бывало крайне редко, поскольку на это решались лишь крайне оппозиционно настроенные издания, рискуя подчас быть и вовсе закрытыми).

Поговаривали о существовании фонда отца Кирилла, размер которого – опять же по слухам – разросся настолько, что мог бы без труда покрыть затраты на предстоящие президентские выборы... Именно этот мотив убийства – не допустить того, чтобы отец Кирилл стал президентом или даже кандидатом в президенты, – обсуждался в прессе чаще всего и воспринимался большинством как, пожалуй, единственно верный.

В тот день, восьмого февраля, было сухо и пасмурно. Игорь, приехавший в родной С. из Москвы по своим депутатским делам, сначала носился на машине по городу в поисках человека, который должен был отдать ему важные бумаги, касающиеся проекта закона о земле, – в Москве, разумеется, никто не знал о том, что многие оригинальные идеи, которыми Берестов фонтанировал, принадлежали не ему, а его бывшему заму, тихому и умнейшему человеку, жившему в С. на берестовские подачки. Только к вечеру, разыскав его в одной из городских больниц, Игорь разыграл сцену сожаления по поводу того, что его друг и коллега так не вовремя слег с «пошлейшим аппендиксом, будь он неладен!», после чего съездил к нему домой и, взяв у его жены папку с документами, вернулся наконец к себе. Все. Дело было завершено. Колоссальная работа, проделанная в сжатые сроки и являвшаяся своего рода законо-

творческим шедевром, теперь находилась у него в кармане и должна была помочь Берестову подняться еще на одну ступень иерархической думской лестницы, блистательный верх которой был уже не за горами...

Сидя в пустой квартире слегка оглушенный выпитой на радостях водочкой и тупо уставившись на экран телевизора, Берестов поначалу не понял, что произошло, – настолько известие об убийстве отца Кирилла, с которым он был лично знаком и которого тоже собирался использовать в качестве теневого лидера в борьбе за президентское кресло, показалось ему нелепым и неправдоподобным. Но позже, когда диктор замогильным голосом предложил прослушать репортаж журналиста с места преступления, Игоря взяла оторопь.

Он бы и напился вусмерть, и заснул бы прямо в кресле, если бы его не привел в чувство звонок в дверь. Блаженная улыбка появилась на его лице, когда он предположил, кто бы это мог быть. И как же он мог забыть, что еще неделю тому назад они договаривались о встрече. Он еще сказал, что будет один, без жены, на что Марина ответила ему, что ей, в сущности, без разницы, с кем он будет, главное, чтобы был он сам. Провести ночь с Мариной – что лучше можно было бы придумать, чтобы заглушить мрачные мысли о бренности всего живого и об убийстве Кирилла в частности?!

Он открыл дверь, и Марина чуть не сбила его с ног; она ворвалась в квартиру и, нисколько не заботясь о том, один он или нет, бросилась к нему на грудь и разрыдалась. Она рыдала по-настоящему и так закатывалась, что, казалось, у нее вот-вот остановится дыхание, и она еще чего доброго зайдет в плаче и умрет. Чтобы как-то привести ее в чувство, он схватил ее за плечи, встряхнул, как тряпичную куклу, и похлопал по щекам:

– Прекрати истерику, слышишь? Что случилось? На тебя напали в лифте? Изнасиловали? Ограбили?

Стуча зубами и дрожащими руками размазывая по щекам размокшую тушь, Марина, ставшая некрасивой с распущенными, словно вывернутыми губами и опухшим лицом, перепачканным жирной оранжевой помадой, с трудом выдавила из себя:

– К-кирилла у-у-убили... – и снова завывала, судорожно всхлипывая и икая.

– А при чем здесь ты?

Она тотчас отпрянула от него и несколько мгновений смотрела ему в глаза, словно не веря в услышанное.

– Т-ты, Берестов, или д-д-дурак зак-конченный, или я не знаю... Я и Кирилл... Неужели т-ты ничего не знал?

– Он что, был твоим любовником?

– Д-да, он, он... – и Марина горько, по-бабьи, заголосила, словно перед ним стояла не молодая циничная и скупая на чувства шлюха, перебивавшая в постели чуть ли не половины мужского населения С., а безутешная вдова крестьянского пошиба. Берестов еще тогда подумал, что все-таки плебейство – генетическое, родовое качество и не может иметь наносного характера, как, скажем, внешняя аристократичность и интеллигентность, в которые, словно в хрустящие новенькие кружева, стараются вырядиться все подряд. Плебеи – это как цвет кожи у определенной расы: ты или белый, или черный, или желтый.

Он смотрел на нее и представлял, как Марина, такая искушенная в постели, соблазняет праведника Кирилла, как снимает с него одежду, как опрокидывает его на кровать, и от представленного почувствовал желание. Вместо ревности – чувства естественного в подобных случаях, он испытал жгучее чувство удовлетворения от того, что отец Кирилл (вот бестия-то!) уже больше никогда, никогда не прикоснется своими руками к прекрасной коже Марины, никогда не поцелует ее в эти пухлые и сводящие с ума мужчин губы, никогда не овладеет ею, как это сделает сейчас он, Берестов...

И он овладел ею, грубо, словно желая доставить ей боль за ту правду, которую она принесла в его дом вместе со своими слезами и воем. Он, всегда старавшийся поразить ее своей

нежностью и лаской, пусть и наполовину разыгранной, теперь упивался своими не в меру резкими движениями, осознавая, что после него на ее теле останутся синяки, и, чего греха таить, от этого тоже получал удовольствие. Марина, как он теперь понял, очевидно привыкшая к подобному обращению (ведь не случайно по С. ходили самые невероятные слухи, касающиеся ее распутного образа жизни), даже не обратила на это внимание. В приливе злых чувств он просто отшвырнул ее от себя, когда все было закончено, и чуть ли не пнул ногой, когда увидел, как безразлична она ко всему, что происходит, и, возможно, даже не осознает, в чьей постели находится, но она и на это никак не отреагировала. Ее тихое «скотина» прозвучало как «принеси попить» или «пока». Она думала о том, чье тело теперь изучали судмедэксперты и заключения которых ждала чуть ли не вся страна. Хотя какое там могло быть сенсационное заключение, если ясно сказали – его зарезали.

Игорь не заметил, как очутился в ванной комнате. Ему было плохо. Выпитая водка и Марина, смешавшись, вызвали тошноту.

Он встал под душ. Сначала вода шла теплая, затем он добавил холодной и под конец уже, стиснув зубы, стоял под ледяным дождем, пытаясь таким образом прийти в себя. Что особенного, по сути, произошло, отчего ему вдруг стало так плохо? Узнал, что, помимо сотни других любовников, у Марины был еще и отец Кирилл? Главное, что у него здесь, в квартире, в сейфе лежит папочка с драгоценными листочками, которая стоит тысяч и тысяч долларов, и большое, необъятное облако близкой, уже очень близкой власти (если власть можно измерять облаками, а не всем небом)... И все же, уже выйдя из ванны и накинув на себя халат, он понял, что никаким душем ему теперь не спастись от СТРАХА (вот оно, необратимое леденящее слово!) – истинной причины его душевного смятения и даже тошноты. Он элементарно испугался – не желая себе признаться в этом, – что и его когда-нибудь могут вот так запросто подрезать, как курицу... Или подстрелить, нацелив объектив оптической винтовки ему в сердце. Или в лоб...

Завернувшись в толстый махровый халат и подпоясавшись, он собирался было уже выйти из ванной комнаты, как руки его по привычке опустились в просторные глубокие карманы. Непонятный предмет, который он выудил из левого кармана, вызвал у него новый прилив дурноты... Это был большой золотой крест с крупной цепочкой, который мог принадлежать кому угодно, только не Берестову – он был ярким противником ношения подобных атрибутов так называемых «новых русских», которые таким образом демонстрировали свое богатство и принадлежность к определенному кругу людей, фантазия которых в трате денег ограничивалась покупкой «шестисотого» «Мерседеса» и отдыхом на Мальдивах. Хотя, с другой стороны, крест был слишком роскошен даже для бизнесмена: литая фигурка Иисуса Христа на кресте была выполнена столь мастерски, что даже Берестов, не искушенный в ювелирном деле, понял, что держит в руках произведение искусства.

В другом же кармане лежало что-то небольшое, неприятно-мягкое, холодное, к ужасу Игоря оказавшееся обручком пальца, посиневшего, с бурыми пятнами засохшей крови...

Инстинктивно спрятав свои страшные и непонятные находки обратно в карманы и понимая, что в любую минуту в ванную без стука (а он не считал нужным ее запирасть) может заявиться Марина, Берестов пошел на кухню – место, где его легкомысленная подруга проводила меньшую часть времени, – и перепрятал крест и палец в банку с чаем, которую засунул в шкаф, подальше от глаз, и только после этого вернулся в спальню, где с нескрываемым отвращением посмотрел на лежащую неподвижно на кровати Марину. Она не спала, а сосредоточенно смотрела куда-то в одну точку, и если бы возможно было увидеть ее мысли, то в спальне тотчас появилась бы фигура отца Кирилла – высокого красивого мужчины с черными с проседью волосами, одетого во все черное; кроме того, тишину нарушил бы его приятный гортанный голос, заставляющий тысячи людей затаив дыхание слушать его... Пожалуй, вот это бросающееся в глаза несоответствие величия отца Кирилла и образа распутной девки сдерживало Берестова от поспешных выводов, результатом которых мог быть их с Мариной разрыв: ну не

верил он, что такой человек, как отец Кирилл, был связан с ней лишь сексуально. Хотя другой причины, по которой бы она так убивалась, он пока себе не представлял. Дочерью его она быть не могла, поскольку разница в возрасте у них была не такая уж и большая, родственницей – тоже, иначе бы она не смолчала, обязательно рассказала ему об этом. Вот и получалось, что Марина была отцу Кириллу именно любовницей. Даже если допустить невозможное – что Марину с ним связывали дела, какие-то финансовые обязательства, предположим связанные с его фондом, о котором ходило столько легенд, то все равно она бы так не рыдала, не такой она человек.

Берестов опустил на постель рядом с ней и взял ее безжизненную руку в свою. Даже сейчас, когда в нем боролось столько противоречивых чувств по отношению к этой женщине, он не мог не отдать должное ее роскошному телу, неувядающему и влекущему к себе всех мужчин (еще одно несоответствие – прекрасного тела и ее лживой, продажной сущности).

– И давно ты с ним? – спросил он, хотя в другое время непременно сказал бы ей что-нибудь ласковое, идущее если не от ума и сердца, то хотя бы от самой его мужской сути, с восторгом принимающей ее как женщину.

Марина подняла голову и, глядя на Берестова сквозь волну спутанных волос, горько усмехнулась:

– А разве сейчас это имеет значение? И вообще, разве тебе не все равно, с кем я сплю, ем, гуляю, пью, курю?..

– Но я не мог предположить, что такой человек, как отец...

– Хватит об этом. Ты получил то, что хотел, даже пнул меня, как бродячую собаку... Это ты из-за моей фамилии так относишься ко мне?

– Марина...

– Брось, Берестов, ты такой же, как все остальные, – словом, зверь. Я Марина Бродягина, но во мне куда больше благородных кровей, нежели у тебя...

Она несла полный бред, но только сейчас Берестов понял, что Марина, пока его не было, опорожнила бутылку. Она была пьяна, а потому у нее сейчас можно было выпытать все, что угодно.

– Ты была его любовницей?

Она ответила ему грубо, как только было возможно, после чего встала и, пошатываясь, направилась в ванную. Берестов же позвонил другу и, притворившись, что он только что приехал из Москвы и ничего не знает, спросил, что это за история с отцом Кириллом. То, что он услышал, заставило его иначе воспринимать случившееся с ним в ванной комнате. Многое тотчас обрело новый смысл. Он узнал, что убийца отца Кирилла похитил его большой нателенный крест с цепью и отрубил безымянный палец вместе с золотым кольцом (вдова погибшего говорит, что кольцо не снималось, поскольку почтиросло в палец).

Когда Берестов положил трубку, ладони его были мокрыми. Он понял, что убийца отца Кирилла подкинул его крест и палец ему, Берестову, с тем, чтобы обвинить его в преступлении, а потому у Игоря оставалось не так много времени на то, чтобы избавиться от этих предметов, этих улик. Возможно, что люди, которым уже доложили о том, где находится крест, в пути и могут в любую минуту приехать и арестовать Берестова, остается одно – исчезнуть, раствориться, но перед этим сделать так, чтобы никто не смог найти крест...

Марина вышла из ванны. Если положить ВСЕ ЭТО ей в сумочку, незаметно, после чего дать ей возможность уйти, сумеет ли он тем самым обезопасить себя? Вероятнее всего, что нет. Ведь она выйдет из ЕГО квартиры, она – ЕГО любовница или для других просто случайная знакомая...

Мысли путались, а время летело. Марина молча одевалась в спальне. Она уже не плакала. Но ее словно и не было рядом, она была сейчас далеко, в пожелтевших от времени картинках, изображающих ее свидания с отцом Кириллом... «Будет ли она так же убиваться по мне, когда

придет мой черед?» Берестов подумал, что нет, не будет. Она выпьет рюмку за упокой его души и ляжет в постель с другим. Она рождена для постели, для мужчин, для сладкой горечи этой невероятной жизни.

И вот тогда, в тот самый миг пришло озарение. Еще не вполне осознавая, в какую тину он погружается и как силен противник, пытающийся изо всех сил его утопить («Неужели ради того, чтобы подставить меня, он убил отца Кирилла?»), Берестов ворвался на кухню, схватил банку с чаем, в которой словно от боли звякнул крест, и вышвырнул ее в открытую форточку. Он жил на третьем этаже, под их окнами росли одичавшие вишни, в густых зарослях которых в ближайшие несколько часов навряд ли кто заметит жестяную банку с английской надписью «Эрл Грей»...

И лишь после этого позвонил Крымову.

– Женя, это Берестов, ты мне очень нужен... Ты не мог бы приехать ко мне через полчаса? Это очень важно, я тебя прошу...

Он еще что-то говорил, но Крымов был занят и сказал, что приедет позже, гораздо позже. Разве он мог знать тогда, что на карту поставлена жизнь Берестова?! А по телефону много ли расскажешь? Тем более что Женю Крымова мало чем удивишь – к нему приходят в основном с бедой, и почти все дела, которыми он занимается, пахнут если не кровью, то порохом.

Игорь положил трубку и ладонью вытер выступивший на лбу пот.

Марина, появившись перед ним, побледневшая, но тщательно подкрашенная и словно сошедшая с обложки «She», мрачно заметила:

– Берестов, а ты еще большая скотина, чем я предполагала...

И в ответ на его удивленный вид пояснила:

– Ты меня сегодня даже ни разу не поцеловал. – И тут же, без перехода: – Значит, так: мне нужно пятьсот долларов, и срочно...

Глава 6

Ни Корнилов, ни Харибин никого не оставили присматривать за коттеджем Крымова. Дом стоял, открытый всем ветрам, взглядам и трагедиям, окруженный соснами и елями, и изо всех сил старался сверкать на солнце своими немногочисленными окнами, блефуя и делая вид, что он так же, как и его хозяева, в полном порядке.

Но когда в дом можно пролезть через сорванную решетку кухонного окна (что Юля и сделала без труда, оставив машину у ворот и беспрепятственно проникнув во двор через калитку), то о каком порядке можно вести речь?

Благо, что внутри его не разграбили, все сохранилось практически без изменений, не считая следов грязной обуви на паркете и немытой посуды в раковине на кухне.

Телефон работал. Юля позвонила Корнилову.

– Виктор Львович, это Земцова. Я в коттедже у Крымова, спокойно пролезла в окно, почему никто его не охраняет? Неужели...

– Ребята отлучились на полчаса, я в курсе, – перебил ее Корнилов, – все под контролем, не переживай. Но запрись изнутри на всякий случай. Слушай, Земцова, пока не забыл... Мне тут передали из Риги – про Аперманис...

– Слушаю. Что-нибудь криминальное?

– Да нет. Два месяца тому назад Маргарита Аперманис с мужем, Антоном Михайловым, погибли в автокатастрофе. Под Ригой, на побережье... Тела извлекли, опознали и похоронили. Все как положено. Родственники утверждают, что это были именно они, поэтому таинственных историй с обугленными неузнаваемыми трупами здесь нет... Ты понимаешь, к чему я клоню? Тебя снова кто-то водит за нос.

– Знаю. Не первый раз. За информацию большое спасибо. Но мне кажется, что я столкнулась с больным человеком. Маниакально-депрессивный психоз, слышали о таком?

– Слышал...

– Кстати, как поживает ваша очаровательная жена?

Корнилов не так давно женился на молодой женщине, пережившей трагедию – самоубийство единственной дочери, поэтому тема депрессии была Виктору Львовичу весьма близкой, хотя и травмирующей: он сделал все возможное и невозможное, чтобы Людмила Голубева, которую он полюбил, не последовала вслед за своей четырнадцатилетней Наташей... Но эта мысль пришла к Юле уже позже. Она поспешила извиниться.

– Не переживай, у нас все хорошо, Люда чувствует себя прекрасно, занялась вязанием, что-то пишет, кажется, стихи или рассказы... А ты что делаешь в коттедже Крымова? Нам не доверяешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.